

СамИздат

Жил да был один король, и было у него два сына... ну, и бастардов, разумеется, без счёту. Так что ради государственных интересов можно и отдать лишнего в хорошие руки.

•

===== Пролог =====

Госпожа Морана была, как всегда, величественна и роскошно-старомодна: чёрный бархат, чёрное кружево, не то что не покрашенная, а чуть ли не подчёркнутая седина в вычурно уложенных смоляных волосах и каскады украшений из литого тусклого золота, страшно тяжёлых и с почти не огранёнными камнями. А ещё она снова неведомо как оказалась во дворце, причём во дворце, всё ещё усиленно охраняемом: после неудачной осады столицы краснолесская армия из страны ушла, но сколько могло остаться и наверняка осталось и в столице, и в самом дворце шпионов и просто предателей — одни боги знают. Так что дворец охранялся, словно гномья родовая сокровищница, и ни в ворота королевской резиденции, ни в двери любой из дворцовых построек даже мышь не проскочила бы незамеченной. Явиться в своём истинном облике госпожа Морана тем более не могла: такой визит горожане точно не оставили бы без внимания. И тем не менее — вот она, встречайте! Толкнула резную тяжёлую створку и вошла в кабинет его величества, словно в собственный. И ссориться с нею... это сейчас-то, когда городскую стену только-только привели в относительный порядок?

— Здравствуй, Трис.

Услышав это обращение и этот голос, его величество Тристан Второй вздрогнул и поднял голову от вороха донесений со всей разорённой страны.

— Госпожа... госпожа Морана? Рад видеть вас снова.

— В самом деле? — иронически спросила она, поигрывая веером. Веер был из чёрных перьев, масляно блестящих в закатных лучах, и король почему-то подумал: это сколько ж воронов пришлось ощипать для него?

— В этом облике — искренне рад.

Она коротко посмеялась, Тристан выдавил ответную вежливую улыбку. За свою жизнь он встречался с госпожой Мораной трижды, этот раз был четвёртым. И третьим, когда она прикидывалась старухой в роскошной, но ужасающе старомодной одежде.

— Как это мило с твоей стороны, — сказала она, сядя напротив, — запомнить, как я один-единственный раз заглянула к твоему отцу, чтобы наскоро перекинуться парой слов.

Он против воли передёрнул плечами. Мило, да.

— Плохо выглядишь, — заметила она, откровенно рассмотрев его в упор.

— Война закончилась, но проблем не стало меньше.

— Их только прибавилось, пожалуй, — кивнула она. — А ты, глядя на меня думаешь, что принесло на твою бедную лысую голову ещё одну. Не переживай, ради тех денег, что ещё остались в твоей казне, нет смысла ломать стены, кое-как замазанные известью. Наоборот, Трис, я готова помочь тебе с ремонтом этих стен.

— Вы необычайно добры, сударыня, — напряжённо сказал король, постукивая пером по

чьему-то докладу о попытке мятежа в северо-западном баронстве, до которого краснолесское войско просто не успело дойти: тамошние жители не желали платить налоги за соседей, которым от военных действий досталось гораздо сильнее.

— Безопасный проход через Ущелье Скелетов, — небрежно сказала госпожа Морана, смахнув веером, словно метёлочкой от пыли, соринку с пышной юбки. — Тебе объяснить, что это значит?

Тристан Второй выдохнул, прикрыл глаза, досчитал до... не до десяти, конечно, но паузу, чтобы подавить бешенство, выдержал.

— Шахты Опалового Нагорья истощены, госпожа моя, — сказал он наконец ровным, спокойным голосом.

— По человеческим меркам, — небрежно уточнила она. — А вот гномы то и дело пытаются то проползти ущельем, то прорваться с боем через владения горных орков. Иногда им это даже удаётся... ненадолго. А я предлагаю тебе способ заработать на желании коротышек наковырять чёрных опалов из истощённых, — она издевательски фыркнула на этом слове, — шахт.

Тебе для этого не надо и пальцем пошевелить, — мрачно подумал он. Но разумеется, не сказал ни слова, потому что иногда чьё-то бездействие стоит куда дороже иной энергичной помощи.

— И чем я смогу отблагодарить вас? — аккуратно спросил он.

— Мне нужен юноша королевской крови.

— Что?!

Он отшвырнул перо и резко встал, почти вскочил, с грохотом уронив кресло, но госпожа Морана отмахнулась от него веером, как от мухи:

— Сядь. Во-первых, никто парня не съест. Наоборот, проживёт он долго и... ну, не знаю, счастливо ли, однако ручаюсь, что в тепле, сытости и безопасности. Моего слова тебе достаточно? Я такое слово тебе даю. Во-вторых, мне не нужен ни твой наследник, ни тот суслик, которого ты прочишь в консорты семиреченской соплюхе. У тебя же, как у всякого приличного короля, бастардов — словно блох у дворняги. Мне нужен один из них.

Тристан поднял кресло, отряхнул зачем-то высокую спинку и сел. Действовал он неторопливо, давая себе время обдумать странное предложение старой змеюки. Она, разумеется, разгадала его уловку — сидела, ухмылялась... ну и плевать. Бастард в обмен на золото гномов или (даже лучше) на ремонт разрушенных укреплений руками подгорных мастеров? И чёрная гадина дала слово, что мальчику не причинят никакого вреда, а словом её, как те же гномы говорят, можно гвозди забивать.

— Любой? — уточнил он.

— Совершеннолетний и не состоящий в браке. Собственно, — протянула она, скользя ленивым взглядом по обстановке кабинета и цепляясь за всякие мелочи вроде позолоченных подделок вместо прежних золотых украшений, деревянных фигурок вместо костяных и потёртых на сгибах, местами проеденных молью тряпок, заменивших роскошные ковры и гобелены: похоже, гномы неплохо украсили свои жилища в обмен на оружие и броню, — я уже присмотрела того, кого ты мне отдашь даже с охотой, если желаешь хоть немного добра своему сыну. Как, по-твоему, наследник престола отнесётся к сводному братцу, успевшему прославиться в этой вашей войнушке куда больше, чем он сам?

===== У церкви стояла карета, там пышная свадьба была... =====

Нога, с которой даже швы ещё не сняли, болела нестерпимо, но Бертран стоял навтыжку перед королевской четой и старался не морщиться.

— Так значит, — сказала её величество, со странным, очень странным выражением лица разглядывая его в упор, — вы и есть тот помощник командующего гарнизоном, благодаря которому мы были избавлены от вмешательства в войну горных орков — неважно, на стороне Краснолесья или в собственных интересах. Войны против двух противников разом нам точно было не выиграть.

— Нам просто повезло, ваше величество, что орки отступили, решив, будто крепость им не по зубам, — почтительно ответил Бертран. — Ещё одну попытку штурма было бы уже просто некому отбивать, поскольку тех, кто вообще не был ранен, можно было пересчитать по пальцам одной руки.

— Но вы всё же выстояли, несмотря на то, что ваш командир — опытный, знающий, уважаемый всеми человек был убит, и заменить его пришлось вам? — В голосе королевы откровенно позванивали ледышки. Словно она не отдавала должное храбрости и воинским умениям молодого помощника, а упрекала его.

— Наши солдаты бились насмерть, ваше величество, — уже с несколько натянутым почтением ответил Бертран. — А на стенах вместе с ними стояли все жители крепости: перевязывали раненых, носили камни, кипятили воду, сталкивали лестницы... Мы не справились бы без них.

— А укрепления сильно пострадали? — спросил молчавший до сих пор король. Он тоже рассматривал Бертрана так, словно пытался что-то такое, известное ему одному, угледеть в ничем особо не примечательном молодом рыцаре. Нет, Мать Всех Живущих была к рыцарю милостива, одарив вполне мужественной и вовсе не отталкивающей внешностью, но в русых волосах, серых глазах и самых обычных для срединных земель чертах лица не было ровно ничего, чтобы так пристально его разглядывать.

- Да, ваше величество, — твёрдо ответил Бертран, не понимающий желания выслужиться перед вышестоящими, сообщая им то, что те хотели бы услышать. Пусть знают реальное положение вещей! От вранья разбитые катапультами стены и опасно кренящиеся башни крепче не станут. — Очень сильно. И если до зимы не принять мер...

— Меры будут приняты, — перебил его король, и Бертран молча поклонился. — Впрочем, это уже не ваша забота — в Гнездо Грифона вы не вернётесь.

— Как прикажете, ваше величество, — тоскливо отозвался Бертран. Вот ведь сволочь Гилберт! Накаркал: «Вот увидишь, останешься в столице...» В столице оставаться бывший, очевидно, уже теперь помощник командующего гарнизоном совершенно не хотел — ему полдня во дворце хватило, чтобы тихо возненавидеть этот насквозь фальшивый мирок.

— Гномы предлагают нам помощь в восстановлении укреплений, — продолжил король. Бертран в лёгком недоумении ждал продолжения: сколько он знал бородатое племя, гном стакан воды не подаст без выгоды для себя, это всем известно, но какое он имеет к ним отношение? — Разумеется, на выгодных для них условиях. — Вот уж точно — «разумеется». — И одно из этих условий — вы, барон.

— Барон? — вскинулся Бертран. — Что с моими братьями? Неужели все четверо...

— Нет-нет, — успокаивающе проговорил король. — Баронским титулом я вас жалею за ваши заслуги перед короной.

— Благодарю вас, ваше величество.

— Не за что, — король чуть усмехнулся. — Ваша матушка отдаёт вам своё приданое, так что вы теперь барон Зелёного Дола.

Ну... вот уж правда — не за что. Обозвать баронством деревушку в два десятка домов... разве что признать своими вассалами оборотней в тамошних лесах, но набирающие всё больше влияния жрецы Девяти такого жеста точно не оценят. Бертран, конечно, вслух этого не сказал, только голову якобы почтительно наклонил, пряча усмешку.

— Скажите-ка, барон, — неторопливо проговорил его величество, — вы ведь даже не обручены?

Бертран чуть замялся, но король есть король:

— У нашего командира осталась дочь...

— Я позабочусь о ней, — вмешалась королева. — Надеюсь, вы не совершили никакой романтической глупости перед лицом неминуемой смерти и прочего в том же духе?

Рыцарь закаменел лицом и ответил, что госпожа Аманда — порядочная девушка...

— Да-да, — снова перебила его королева. — Я поняла. Будет ей и достойный жених, и достойное приданое — можете об этом больше не беспокоиться.

Бертран подумал, что как раз теперь он, кажется, беспокоиться и начнёт, но тут король спросил его:

— А скажите, барон, сто'ит ли, по-вашему, свобода выбора одного человека — безопасности границ всего королевства?

Ловушка была видна невооружённым глазом, но Бертран вздохнул и шагнул в петлю:

— Разумеется, ваше величество. Если гномы требуют... — он уже мысленно нарисовал себе коренастую невесту с тёмным пушком на щеках и над верхней губой, похожую на гнома-подростка и одетую примерно так же. Ну... привыкнуть можно и не к такому, наверное, зато гномы любого пола беззаветно преданы тем, кого считают своими — настолько же, насколько не любят чужаков. Только непонятно, зачем им сдался Зелёный Дол? Лесом гномы не интересовались никогда, они даже в шахтах своих вроде бы деревянными креплениями не пользовались.

— Не гномы, — возразил Тристан Второй. — Сентуивир, Владыка Драконьей Башни, желает вступить с вами в брак. Равный, — уточнил он прежде, чем Бертран успел подобрать отвалившуюся челюсть. - Вы, надеюсь, не имеете предубеждений против таких браков?

Бертран только механически кивнул. Он был пятым сыном весьма небогатого, вежливо говоря, барона, который и титул-то свой получил незадолго до рождения своего последнего сына. Прямая дорога была рыцарю либо в консорты к девице выше его по положению, либо в супруги к такому же третьему-пятому, чтобы не дробить невеликие лены. А то и вовсе в паладины недавно созданного ордена Пути, требующего со своих членов безбрачия в обмен на иные блага. Но... Сентуивир? Кто он вообще такой? Маг, судя по пышному и явно не от рождения данному имени? Владыка Драконьей Башни... Это где? И какое, чтоб его мантикоры задрали, всё это имеет отношение к нему, Бертрану, новоявленному барону Зелёного Дола?

Равноденствие праздновалось шумно, хоть и не слишком сытно: кроме собственно равноденствия и окончания полевых работ, народ радовался завершению войны. Как бы даже победоносному — если считать победой стоившие невероятных усилий попытки пинками выгнать из страны зарвавшихся соседей. На этом фоне скромная церемония в маленьком храме потерявшей былое поклонение Матери Всех Живущих осталась практически

незамеченной. На ней, правда, присутствовал сам король, но в ту осень король с королевой много где были гостями, улыбаясь и произнося милостивые речи, и почему бы его величеству было не поздравить лично молодого полководца, который, по слухам, избавил королевство от нашествия горных орков — врагов могучих, свирепых и куда более опасных, чем соседи из Краснолесья? Король даже поцеловал в лоб новобрачного, к бесконечному умилению прихожанок, жалеющих такого милого рыцаря, зачем-то вступающего в брак с несомненным колдуном: а у кого же ещё в глазах будет столько горнего знания — и столько высокомерной скуки? Хорошо, хоть колдун был не старый и не уродливый, а молодой, почти ровесник рыцарю, и в общем, даже на ревнивый женский взгляд, вполне привлекательный. На эльфа, что ли, чем-то похож немного — тонкий, гибкий, с истинно эльфийским ленивым презрением в глазах. А глаза у него были возмутительно красивы. Такие ярко-синие, каких у нормальных людей просто быть не может: небось, навёл морок какой или ещё как наколдовал.

Бертран церемонию отстоял с некоторым усилием: ногу ему дворцовые целители подлечили, однако глубокая рана, оставленная отравленным лезвием, закрылась, но не затянулась по-настоящему и вообще заживала медленно и как-то неохотно. Превозмогая боль, он послушно производил все положенные манипуляции, под конец поцеловал супруга в равнодушные губы (неожиданно горячие, словно того мучила лихорадка), приложился к руке его матушки (слегка, честно сказать, пугавшей Бертрانا, но чем, он даже объяснить себе не брался), и поблагодарил короля за оказанную честь — личное присутствие на свадьбе.

А едва церемония завершилась, его посадили в карету, только-только дали попрощаться с матерью и братьями, и новобрачные покинули столицу. Сентуивир, глядя, как мучительно пытается его супруг пристроить больную ногу, чтобы меньше досаждала, вынул откуда-то из складок одежды флакон синего стекла, в каких с юга привозят розовую и лавандовую воду, и протянул ему. Бертран понюхал маслянистую жидкость (дрянь редкостная!), хмыкнул и сделал три глотка, которые ему посоветовал маг... ну, наверное, маг — попытки хоть что-нибудь узнать о будущем супруге остались, можно сказать, без результата. Единственный из всех, ветхий старичок, когда-то служивший в королевском архиве, со скрипом припомнил, что Сентуивиром вроде бы звали дракона с Золотого Нагорья, но про того уже очень давно ничего не слышно: может быть, впал в спячку? Если б его кто-то одолел, шуму было бы много, с десятков баллад бы сложили... ну, одну-другую — точно! Маг, в отсутствие дракона построивший себе башню на Золотом Нагорье, мог назваться так из тщеславия или чтобы поугадать соседей, к примеру.

Бертран вяло раздумывал об этом, лениво разглядывая сжатые поля и начинающие золотиться перелески: от попыток завязать разговор его супруг уклонился, сказав: «Завтра, всё завтра». Ну, завтра — так завтра. Зелье подействовало, боль затихла, но взамен напознала сонная одурь. Бертран пытался было с нею бороться, но ехали долго, молча, было тряско и скучно, и он наконец дал себе сползти в беспокойный тревожный сон. В этом сне его привязывали на спину чёрному дракону, для чего-то заботливо укутывая меховым одеялом (а, ну да, в небе же холодно, как высоко в горах, — во сне догадался он), маг сел рядом, приобнял Бертрانا для верности одной рукой, второй ухватился за шип гребня, и дракон, ворча про пожилую женщину, вынужденную таскать на спине двух молодых бездельников, прынул вверх.

Ну, кажется, брачную ночь я бездарно проспал, — подумал Бертран, садясь на кровати и вертя головой в попытке понять, где это он. На постоялый двор как-то не похоже — слишком роскошно, но до Золотого Нагорья с его Драконьей Башней за неполные сутки пути вряд ли доберёшься. Или он проспал не сутки? Кто его знает, что там было за зелье, если с него сняты полёты на ворчливых драконах.

— Гос-сподин прос-снулся?

Голос, заметно присвистывающий на всех шипящих, принадлежал существу в долгополой бесформенной хламиде весёленького ярко-синего цвета, из-под которой, шурша по плиткам каменного пола, выглядывал хвост. Чешуйчатый, зелёнький такой. Да и мордочка у существа была... Бертран помотал головой, с силой потёр ладонями лицо и снова посмотрел на хвостатого в синем платице.

— Господин не уверен, — честно сказал он.

— Гос-сподин прос-снулся, — решило существо и поволокло к кровати таз и кувшин с водой, хотя Бертран предпочёл бы сначала другую посудину. И не обязательно серебряную, да ещё и с затейливым чёрнёным рисунком.

— Долго я спал? — спросил он.

— Полдень, гос-сподин. Пос-слать за повелителем?

— Лучше отведи меня к нему, — сказал Бертран, сообразив, что змейке, обряженной в хламиду, может и не быть известно, сколько дней господин провёл в пути.

— Как пожелает гос-сподин.

Существо помогло ему умыться, принесло одежду. Но не тот роскошный и страшно неудобный наряд, который ему от королевских щедрот выдали на свадьбу (перешив что-то из вещей его величества или кого-то из высочеств, как почему-то подумалось Бертрану), а «домашнюю», захваченную им с собой из крепости, несмотря на спешку, с которой он собирался в столицу. Здесь её успели постирать и откатать, и даже подштопать расплзающийся манжет, до которого у служанок в Гнезде Грифона всё никак не доходили руки. Бертран решил, что раз теперь его дом здесь, то существо право в своём выборе, и надел поверх рубашки когда-то замшевый, а теперь местами просто кожаный, залоснившийся колет, сунул ноги в мягкие башмаки вместо сапог, одёрнул штанину и подумал, что смотрится вконец обнищавшим безземельным рыцарем, заложившим отцовский меч и доспех, и только подаренное супругом кольцо выглядит на его пальце весьма странно — широкое, тяжёлое, с еле заметной вязью какой-то полустёртой гравировки. Оно, наверное, стоило дороже всей деревеньки в Зелёном Доле. Для ценителей старинных вещей — возможно, и ещё дороже.

— Веди, — сказал он существу, и оно проворно по... поползло, наверное, вперёд. Только хвост шуршал.

Башню явно строили гномы. Как бы это ни задевало людское самолюбие, но это нехотя признавали даже те, кто за нелюдями не числил души, как и за бессловесной скотиной: никто лучше коротышек не разбирался в способах придать камню нужную форму — хоть обтёсывая его, хоть складывая. Даже обыкновенные серые базальтовые плиты, из которых был сложен пол, лежали идеально ровно и были безупречно-шестиугольной формы. В них мерцали какие-то прозрачные крупинки, отчего плиты выглядели почти нарядно, а уж на облицовку стен и вовсе пошёл розоватый мрамор. Бертран провёл ладонью по

полированному камню и подумал, что вряд ли маг сам строил эту башню. Маги, конечно, не бедствуют, но чтобы настолько? И с чего-то ведь башня названа Драконьей? Неужели Сентуивиру понадобилась помощь рыцаря на случай, если законный хозяин башни проснётся и потребует назад свои владения? Правда, для дракона здешние помещения были тесноваты, но кто знает, для чего башню возвели? Вдруг для того, чтобы держать в ней пленных принцесс? Судя по обстановке — запросто.

Повелитель говорящих змей нашёлся в библиотеке. Бертран окинул долгим взглядом ряды полок с книгами и свитками, уходящие в солнечную даль (окно там, в этой дали, было огромным, хоть верхом в него въезжай... или влтай на драконе), и не сразу увидел небольшой круглый столик без всяких писчих принадлежностей, зато с фруктами и каким-то печеньем, что ли. Он, собственно, чуть на этот мантикорий столик не налетел сослепу, засмотревшись в далёкое окно и задумавшись над тем, какво закрывать его ставнями, особенно в ветреную погоду.

— Ты не поторопился встать? С твоей раной лучше бы полежать недельку.

Бертран повернулся на голос. Голос был хорош — мягкий, бархатный, глубокий. В самый раз, наверное, заклинания читать. Маг, в общем, тоже был ничего себе. Бертран, правда, предпочитал женщин, и единственным его настоящим любовником был бард-полуэльф, но молодой мужчина, идущий к нему с книгой в руке, отвращения точно не вызывал. Тем более, что брак был равным, и требовать подчинения, в том числе и в постели, формально Сентуивир не мог. На деле, разумеется, могло обернуться как угодно, но с другой стороны, зачем-то ведь барон Зелёного Дола был ему нужен.

— По дороге сюда ты обещал мне ответить на вопросы завтра, — напомнил Бертран, тоже переходя на ты. — Я только не уверен, что сегодня — это и есть то самое «завтра», — с нервным смешком добавил он.

— То самое, — заверил его Сентуивир. Он щёлкнул пальцами, что-то сказал на странном шипящем наречии, существо с змеиным хвостом поклонилось и исчезло, а хозяин башни сел за стол, положил раскрытую книгу на колени обложкой вверх, но Бертран подглядывал зря: буквы не были ему знакомы, да и вообще не были похожи на буквы. — Садись, Берт, — сказал маг (теперь рыцарь твёрдо был в этом уверен — кому ещё читать такие книги?) — Пока ждём завтрака, я тебе коротко объясню, куда ты попал, почему и зачем. И первое: я дракон. Тот самый Сентуивир, который то ли спит в своей пещере на груди золота, то ли улетел куда-то на север. Не сплю и не улетел, — он поморщился и неохотно пояснил, — просто меня прокляли.

Бертран помотал головой и с надеждой подумал, что это просто продолжается всё тот же чудной сон, навеянный зельем.

— Прокляли, — повторил Сентуивир. — И есть крошечная вероятность, что ты можешь это проклятие снять.

===== Поцелуй принца и прочие способы =====

— Я думал, ты маг, — сказал Бертран.

— В том, что касается теории магии, — усмехнулся Сентуивир, — я подкован лучше большинства адептов Академии. Поневоле научился разбираться. Но магических способностей у меня нет — зачем они дракону?

— Да уж, — Бертран зябко передёрнул плечами. Если бы могучее крылатое существо,

созданное для убийства, ещё и колдовать умело... — Но я, видишь ли, о магии знаю только то, что у разных магов сил и умений хватает на очень разные заклинания: кто-то бурю вызовет щелчком пальцев, а кто-то еле свечку зажжёт.

— Для рыцаря уже немало, — пожал плечами Сентуивир. — Правда, тех, кто может вызвать бурю, и отнюдь не щелчком пальцев, по этим самым пальцам и можно пересчитать. Причём хватит одной руки.

— Может быть, — не стал спорить Бертран. — Я к тому, что толку от меня в снятии проклятий...

— От мудрых и могучих магистров его тоже не было, — невежливо перебил его супруг. — Честно сказать, я и от тебя не жду помощи, но матушка настояла, чтобы я хоть попробовал, и я согласился. В конце концов, что я теряю?

— Ничего, — согласился Бертран, хоть и был немного задет этим равнодушным «что я теряю». — А в чём, собственно, это твоё проклятие заключается?

Сентуивир сложил пальцы домиком и помолчал, видимо, выстраивая в уме краткий рассказ, в котором и нужные подробности были бы упомянуты, и то, что человеку знать незачем, было бы аккуратно обойдено. Бертран, по крайней мере, понял его молчание так. Тоже было немного обидно, хотя и понятно: вряд ли у драконов много было оснований доверять людям. Даже тем, кто давал им клятвы в храме Матери Всех Живущих.

— Для начала немного истории, — сказал Сентуивир. — Ваши нынешние клочки кое-как возделанных земель, каждый со своим правителем во главе — это лоскутки когда-то существовавшего единого царства.

— Эльфийского, — уточнил Бертран. — В котором люди были рабами, позже слугами и наёмниками, и всё в том же роде. Настолько я историю знаю, спасибо.

— Рад за тебя, — ухмыльнулся супруг. — Ну, и за себя тоже: я боялся, что мне достанется отважный олух, еле умеющий разобрать собственное имя в королевском указе, а с тобой даже поговорить можно, не подбирая слов попроще. С полвека, пока не овдовею, будет с кем поболтать хотя бы.

Бертран проглотил сомнительный комплимент, не найдясь, что ответить на него и не выставить себя при этом тем самым отважным олухом. В общем, он просто откровенно окинул Сентуивира изучающим взглядом.

— А сколько тебе?

— По вашим меркам, много, — отмахнулся тот. — По драконьим, я примерно твой ровесник. Так что не забивай голову разницей в возрасте, она большой роли не играет... Итак, немного истории всё-таки. В страже царства в обязательном порядке на службе состояли маги, которые в числе прочих заклинаний нередко пользовались принудительным обращением всяческих вервольфов и им подобных. Оборотни в человеческой ипостаси, как ты, наверное, знаешь, заметно проигрывают своему же звериному облику, — Бертран кивнул. Его брат, подавшийся в рыцари Пути, говорил об этом с непонятным для младшего восторгом — орден давал своим членам какие-то способности... или отбирал кандидатов, уже имеющих таковые, чтобы потом развить их, и одной из этих способностей было такое вот умение заставить оборотня принять человеческий облик. — Заклинание несложное, вполне по силам любому магу... сам понимаешь, по-настоящему сильные маги вряд ли шли служить в стражу. Оно известно до сих пор, и любой адепт, достаточно любопытный, чтобы почитать что-то сверх программы, может выучить его за два-три вечера. Вот такой любопытный комне и заявился. Нанял парочку головорезов для верности, наложил на себя

для начала заклинание невидимости, так что слышать-то я его слышал, но определить, где он точно находится, не мог. А он подобрался ко мне на расстояние, достаточное для броска, и швырнул заклинание принудительного обращения. Оказалось, что с драконами оно работает ничуть не хуже, чем с оборотнями, и я стал вот этим, — он с отвращением оглядел себя. — На своё счастье или совсем наоборот, я успел плюнуть огнём в ту сторону, откуда слышал подозрительный шорох, но опоздал: заклинание сработало. Маг-то превратился в хорошо прожаренную тушку, но меня это не спасло. Даже напротив, — он помрачнел. — Заклинание оказалось как-то завязано на его смерть и превратилось в посмертное проклятие. Словом, я застрял в этом теле и стать снова драконом не могу, пока проклятие не будет снято.

— Ничего себе, — ошарашенно пробормотал Бертран. — И давно?

— Давно, — вздохнул Сентуивир. — То, что я выгляжу как человек — это ерунда. Суть-то моя не изменилась: я дракон и проживу столько же, сколько любой другой дракон... если не убьют, понятно.

— Ну, в ближайшие полвека для этого сначала надо будет убить меня, — заметил его супруг.

Тот с любопытством посмотрел на него и сказал с лёгким недоверием в своём бархатистом голосе:

— Самое забавное, Берт, что ты не врёшь и не рисуешься. Этак и правда поверишь в «юношу королевской крови с храбрым сердцем и чистой душой». Я, правда, над этой чистой душой здорово повеселился, когда услышал в первый раз: чистая душа во дворце...

— Подожди, — перебил его Бертран, — при чём тут королевская кровь? Мой отец — обыкновенный рыцарь с окраины королевства, он бароном-то стал...

— Незадолго до твоего рождения, — подсказал усмехаясь Сентуивир. — Представляешь, да? Жил себе пожилой вдовец в своём захолустье, никого не трогал, а потом бац — и женился на девочке, которая на два года старше его первенца — законного, по крайней мере. И к этой свадьбе король сделал ему королевский подарок — пожаловал баронское звание.

— На что ты намекаешь? — Бертран от возмущения даже зашипел не хуже змейки в синем платье, как раз показавшейся в дверях с нагруженным подносом.

— Намекаю? — фальшиво удивился дракон. — Да я тебе прямо говорю, что ты бастард Триса.

Рыцарь закусил губу и молчал, пока хвостатое существо накрывало стол к «завтраку». Что братья у него сводные, он знал с малых лет, но никто в отцовском замке, включая самих братьев, его не выделял: старшие щедрой рукой раздавали тумачи младшим, не разбирая, кто от родной матери, а кто от мачехи, но и защищали точно так же — не вдаваясь в подробности, кто тут единокровный, а кто единоутробный. Но теперь получается, что они ему вообще не родственники? Да нет, чушь, конечно: кровь кровью, но и столько пережить вместе — это же что-то значит? Или нет?

— И как именно королевский бастард должен снять с тебя проклятие? — наконец спросил он, и сам не узнал своего голоса. — Поцеловать? Так целовал уже — не помогло.

— Понятия не имею, — устало отозвался Сентуивир. — Маги в голос твердили, что снять посмертное проклятие может только тот, кто его наложил. Я, чтоб мне виверной стать, нанял некроманта потолковей, тот вызвал дух грабителя-неудачника, но сукин сын, хихикая, заявил, что призраки колдовать не могут, так что придётся мне ждать, когда он

родится заново, причём именно в человеческом теле... ну, гномом или эльфом хотя бы. Хотя по-моему, с его характером, это будет скорее всего гиена какая-нибудь. Ну... я-то подожду, конечно, никуда он от меня не денется, но ты бы знал, как мне не хватает крыльев!

Он резко замолчал и хмуро посмотрел на супруга, словно ждал, что тот посмеётся, но Бертран только рассеянно кивнул. Он вообще раздумывал над тем, знал ли командующий о том, кто был его настоящим отцом, и не этим ли знанием объяснялась стремительная карьера юного сотника. А вовсе не военными талантами, как тот о себе наивно думал.

— А откуда взялось это твоё про юношу королевской крови, отважного олуха и доверчивого придурка? — мрачно спросил он.

— А когда стало ясно, что от настоящих магов с дипломами солидной Академии никакого проку не будет, матушка начала трясти обыкновенных диких, неграмотных ведьм и прочих болотных колдунов, — пояснил дракон. — И одна такая замшелая кочка сказала ей, что проклятие можно снять, но для этого нужен тот самый прекрасный принц, можно даже бастард. Матушка перешерстила с полсотни, наверное, парней подходящего возраста, рождённых от дюжины ваших королей, и выбрала тебя. Я, честно сказать, думаю, будто старая кошёлка просто побоялась ответить матушке, что не знает никакого способа снять проклятие, вот и выдала пафосную чушь. Но, как я уже говорил, я ничего не теряю от брака с тобой, да и матушке моей возражать, особенно в этом теле... впрочем, в этом теле как раз безопаснее: пока был нормальным драконом, она меня трепала, как... — он опять вздохнул. — А теперь она меня лишней раз тронуть боится, чтобы не прибить ненароком. Ладно, не будем о грустном. Ты вообще-то как смотришь на исполнение супружеских обязанностей?

— Меняемся через раз, — быстро сказал Бертран.

Сентуивир пожал плечами:

— Разумеется. Надо же всё испробовать, не только поцелуй прекрасного принца.

— Я не принц, — огрызнулся Бертран.

— Ладно-ладно, прекрасный барон Зелёного Дола. — Дракон встал, заложив пальцем ту самую книгу, которую всё держал на колене. — Отдыхай, лечись, ешь-пей. Для качественного снятия проклятий ты мне нужен здоровым.

===== Когда всё плохо и ещё хуже =====

— Вир, в кого ты у меня такой идиот?

Сентуивир мрачно посмотрел на матушку, но благоразумно смолчал.

— Я обещала его отцу, что человек проживёт не слишком счастливую, но долгую и обеспеченную жизнь, — голос Мораны тёк ядом, — а ты угробил его в первую же неделю совместной жизни.

— Он пока что жив, как видишь, — угрюмо возразил совсем не счастливый новобрачный.

— Вот именно — пока. У здорового человека или эльфа шансы были бы примерно пополам, у гнома или орка — два к одному, но раненому или больному выжить удаётся редко. А ты, стало быть, не заметил, что человек ранен и толком не поправился?

— Но это же говорится о крови! — попытался возразить Сентуивир.

— А чем, позволь тебя спросить, остальные твои жидкости так уж отличаются от крови? — ласково спросила Морана.

Сын шумно выдохнул, но ответить на это было нечего. Ему в самом деле не пришлось в

голову, что его... хм... жидкости могут представлять для супруга какую-то опасность. «А мог бы, кстати, и задуматься, — мрачно подумал он. — Похоже, пребывание в человеческом теле плохо влияет на мозги».

А начиналось всё... да плохо начиналось, что уж там говорить. Поскольку у супруга явно отсутствовал пассивный опыт и он заметно нервничал, Сентуивир проявил несвойственное ему великодушие и уступил Бертрану право «побыть мужчиной» в первую ночь. Тот в качестве ответной любезности неумело, но старательно изобразил то, что люди обычно именуют «эльфийским поцелуем». Наутро у него болело горло и вообще его лихорадило слегка, но он предположил, что простудился-таки во время полёта, несмотря на меховой плащ, и супруг имел глупость с ним согласиться. На следующую ночь Бертран честно вернул Сентуивиру супружеский долг, а к утру у него начался сильный жар, рана на ноге открылась, и из неё розовато-серыми хлопьями обильно полезла какая-то мерзость. К появлению в башне Мораны, которой перепуганный сын послал Зов, рыцарь уже метался в бреду, то оправдывая перед кем-то свою мать: «Ей же было всего семнадцать, как она могла устоять перед самым королём?» — то объясняясь, видимо, со своей пассивностью: «Не сердись, пожалуйста, милая! Ты же видела, во что превратилось Гнездо Грифона — и таких крепостей по всей стране десятки. А если следующим летом к нам опять кто-нибудь нагрянет?» Сентуивир только головой качал, поражаясь, какого самоотверженного идиота послала ему Прародительница Сущего на пару с его собственной матерью.

— Если ты отнесёшь меня к Долгому Мысу, я поищу там целителя, — безнадежно сказал он.

— Бесполезно, — сказала Морана, трогая пылающий лоб больного. — Или он сам справится, или умрёт, чем бы его ни поили. — Она перевела на сына пустой равнодушный взгляд и сказала буднично и оттого ещё более пугающе: — Молись Прародительнице Сущего, Вир, чтобы он выжил, потому что иначе мне придётся тебя убить. Я, видишь ли, дала слово. Не знаю, значит ли это хоть что-нибудь для тебя, но мне моя репутация, представь себе, дорога.

Он тоскливо кивнул. У Мораны были дети и кроме него, а с ним она возилась неприлично долго, даже когда он ещё был нормальным молодым драконом, без всяких проклятий: слабость, вполне простительная по отношению к последнему птенцу. Но там, где речь заходит о репутации, никаким слабостям места нет.

— Возможно, так будет даже лучше, — сказал он.

Она не спросила, что он имеет в виду, только посмотрела очень уж внимательно. Потом кивнула, встала, одёргивая платье — как всегда архаичное, но роскошное, словно имело какой-то смысл красоваться перед сыном и его слугами.

— Я вернусь дня через три, — сказала Морана. — Если он переживёт эти три дня, за дальнейшее можно уже будет не волноваться.

— Хорошо, — вяло отозвался Сентуивир и отвернулся к окну. Он никогда не провожал мать, чтобы не видеть, как она у него на глазах становится тем, кем ему уже не стать. Никогда не стать, — уточнил он про себя. Условие сумасшедшей старухи оказалось, как он и думал, пафосной чушью. Ни поцелуй прекрасного принца, ни более тесная близость с ним ничего не изменили в существующем порядке вещей. Последняя надежда благополучно издохла и была похоронена на том же кладбище, что и предыдущие: на «приличных» магов, на некромантов, на опасные и весьма дорогостоящие ритуалы... Но они хотя бы некоторое время давали силы жить дальше, к чему-то стремиться — а теперь что? Даже в спячку не

впасть, как способны драконы в своём истинном облике, потому что этому хилтому телу даже год без воды и пищи не продержаться, не то что век-другой. И год за годом тянуть унылую лямку серой, безрадостной жизни, в которой ты хлипкое бескрылое существо, не способное даже самостоятельно защитить свои владения? Да если матушка, спасая свою драгоценную репутацию, убьёт его, она ему благодеяние окажет, избавив от такой судьбы!

Он против воли проследил взглядом за мелькнувшим в окне крылатым силуэтом, пока тот не скрылся из виду, а окна на юго-восточную сторону выходили большие. Очень большие, давая ощущение света и простора: башня стояла на самом обрыве, скала с этой стороны отвесно уходила вниз на добрую сотню сажений, и штурмовать с юго-востока жилище Сентуивира мог только другой дракон. Самоубийца, рискнувший связаться со старой, могучей и очень злопамятной Мораной. Гномы, строившие башню, вставили в проёмы узорчатые рамы с пластинами кварца, бесцветными в центре, голубоватыми к краям и откровенно синими или дымчатыми по углам — цвет насыщался от центра к периферии, так что в итоге окна влетели Сентуивиру в кругленькую сумму, дороже ворот и подъёмного моста. Зато сквозь них и зимой, и летом можно было любоваться долиной внизу, а в ясную погоду даже башни Долгого Мыса можно было разглядеть в синей дымке на границе окоёма.

Сентуивир щёлкнул ногтем по безупречно-прозрачной голубой пластине и ухмыльнулся: интересно, если Бертран умрёт, а сам он будет убит, хватит ли у родственников его супруга наглости и самонадеянности, чтобы потребовать свою часть наследства? Сводного братца — паладина ордена Пути могут, к примеру, поддержать господина магистра... правда, семье в таком случае мало что перепадёт. Впрочем, вряд ли матушка поделится с кем-то хоть монеткой, а захватить собственность Мораны нелегко. Те, кто пытался это сделать, уже никому не расскажут о своих попытках. Впрочем, — он нахмурился, — если ещё какой-нибудь не в меру пронырливый маг попытается использовать тот же способ, что и с ним... Мать, конечно, очень стара и очень сильна, мало кто способен обратить её против её воли, но сама возможность...

Бертран застонал, Сентуивир неохотно оторвался от окна, подошёл к постели супруга и положил ладонь на его лоб. Обычно что люди, что эльфы казались дракону холодными. Иногда это дразнило и возбуждало, иногда вызывало отвращение. Бертран, метавшийся в бреду, по ощущениям напоминал Сентуивиру другого дракона в человеческом облике — вот только для человека это была почти верная смерть.

Сентуивир выловил из таза полотенце, чуть отжал его и протёр лицо, грудь и плечи супруга. Толку от этого не было ни малейшего, по мнению дракона, но помогало занять руки и вообще создать иллюзию, что за больным трогательно ухаживают.

— Ну что, мой супруг, — спросил Сентуивир Бертрана, — мне осталось три дня. А тебе?

Вопрос предсказуемо остался без ответа.

===== Немного о цветах =====

Комментарий к Немного о цветах

Стихи автора

— Какая она красивая.

— И это рыцарь говорит о драконе?

Бертран удивлённо оглянулся на супруга, с неохотой оторвавшись от окна, даром что

снаружи сеялся унылый мелкий дождь, и картина за окном была затянута мутной серой пеленой.

— А настоящий рыцарь должен звать орков трусами, гномов — слабаками, а эльфов — тупицами? Ну, тогда я не настоящий. Госпожа Морана очень красива, и я охотно это признаю. Мне показалось в первый раз, что она чёрная, а она такого глубокого синего цвета, как небо ясным поздним вечером, только вместо звёзд серебряный узор по спине и бокам...

— Да ты, я смотрю, поэт в душе, — усмехнулся Сентуивир.

Бертран вернул ему усмешку:

— Да я не только в душе могу. У меня довольно долгое время любовником был бард, он мне и объяснил основы стихосложения. Правда, учить меня на лютне он наотрез отказался, заявив, что ухо мне оттоптал даже не медведь, а стадо кентавров.

— Значит, вы с ним по полночи болтали о стихосложении? — Обе совместно проведённые ночи запомнились дракону именно тем, что супруг его, вместо того чтобы отвернуться и захрапеть, как полагается порядочному мужчине, был прямо-таки по-женски разговорчив. Он, понятно, не спрашивал: «А ты меня любишь?» — но совершенно точно был уверен, что время между супружеским долгом и сном надлежит проводить именно так — за лёгкой болтовнёй ни о чём.

— Не только, конечно. У человека... полуэльфа, который прошёл пешком от морского побережья до Злого хребта, есть что рассказать.

— Значит, ты пробовал писать стихи? — с любопытством спросил Сентуивир. — Понимаю, очень удобно — не надо тратиться на барда, чтобы сочинить послание своей пассии. Про закатное облако лёгких волос, про синие очи, пленившие душу, про губы, подобные розам цветущим, можно писать поэмы в лигу длиной, верно?

— То, что тебя не трогает, можно тянуть вообще бесконечно.

Бертран снова посмотрел на дождь в окне, перевёл взгляд на супруга. Когда он пришёл в себя, он первые два дня не мог даже голову поднять от слабости, его кормили с ложки, как младенца, и чтобы чем-то себя занять, он сложил про себя... ну, стихами, настоящими стихами это было вряд ли, но вот как-то само придумалось, он только придал форму.

Я не летаю по ночам,
И ты не смотришь за окно.
Там в небе пусто и темно,
И лишь луны горит свеча.

Ты можешь спать: луна в окне
Так одинока, так светла,
Но два драконовых крыла
Не унесут меня к луне.

Нет, не играет лунный свет
На чешуе моей брони,
И звезд холодные огни
Не мчатся мне навстречу, нет.

И грозы, громами ворча,

Свивая молнии в кнуты,
Меня не гонят с высоты...
Я не летаю по ночам.

Лицо Сентуивира закаменело, и Бертран тихо сказал:

— Прости, не надо было мне...

Тот только нервно дёрнул плечом, и Бертран понял, что лучше вообще помолчать. Так они и молчали, глядя, как бесконечный серый дождь падает и падает с низкого неба на давно уже безнадежно промокшую землю.

— А по-настоящему чёрные драконы есть? — спросил Бертран, когда молчание не просто затянулось, а начало уже давить всерьёз.

— Я знаю только одного, — рассеянно ответил Сентуивир. — Моркелеб чёрен, как тьма в подземельях. Про него, правда, уже давно ничего не слышно, но я этому только рад. Если спит, пускай поспит ещё немного. Ещё этак века три или четыре.

— Я нашёл в библиотеке какой-то старый свиток без начала и конца...

— Ты поднимался в библиотеку? — перебил Сентуивир.

Бертран оскорблённо выпрямился и холодно осведомился:

— Мне на это нужно твоё разрешение? Ну, прости. Я думал, я твой супруг, а не...

— Да нет же! — с досадой рыкнул Сентуивир. — Ты смог подняться в библиотеку? А твоя рана?

— Да мне уже гораздо лучше, — возразил Бертран. — Я быстро поправляюсь.

— Очень, — буркнул Сентуивир. — Ладно, что за список?

— Просто имена, если это имена, и цвета. «Телтевир — гелиотроповый, Сентуивир — голубой с золотом на суставах, Астирит — бледно-жёлтый, Моркелеб — единственный чёрный, как ночь...»

— А, — сказал дракон равнодушно, — этот... Да, кто-то зачем-то переписывал всех известных в то время драконов. Кстати, Астирит не бледно-жёлтый, а бледно-жёлтая. Это она, а не он. Очень странная была особа. Я понимаю, раз в столетие-другое бросить клич, чтобы найти самца для следующей кладки — это слишком редко. Мы же для того и превращаемся в вас, двуногих, чтобы развлечься немного. Но Астирит вечно путала любовников с едой, прямо не драконица, а паучиха. Я говорил ей, что добром это не кончится, но она возражала, что отпускать тех, кто уже побывал в её пещере, глупо и недальновидно, обожглась уже разок: парень уволок на себе столько подарков, что внукам должно было хватить на безбедную жизнь, а он собрал целую толпу таких же идиотов и явился к ней, чтобы отнять остальное. Вот теперь, говорила Астирит, она и съедает любовников, чтобы уже точно никому ничего не разболтали. Я не понимал, зачем вообще таскать их к себе в пещеру, но ей нравилось заниматься любовью на золоте — два удовольствия разом, так она говорила. Ну, и нарвалась однажды...

— А ты?

— Что я? Я такие вещи не смешиваю и в свою пещеру никогда никого постороннего не пускал.

— Но людей ты... — Бертран чуть запнулся, но всё-таки закончил: — ел?

— Один раз, — Сентуивир склонил голову к плечу и насмешливо уставился на супруга невозможными ярко-синими глазами. — И понял, что больше никогда такую дрянь в рот не возьму: чуть не сдох от изжоги.

Он окинул смешавшегося супруга придирчивым взглядом и подумал, что тот быстро, просто нечеловечески быстро поправляется. По-драконьи быстро и надёжно, выгнав из тела яд, оставленный недоумками-лекарями в зашитой ране, сращивая рассечённые мышцы, затягивая рану новой кожей. Теперь, раз уж он не умер от действия драконьего семени, убить его станет гораздо труднее, и убивать надо будет сразу наверняка, чтобы не уполз и не отлежался после раны, смертельной даже с точки зрения орка или гнома — существ куда боле крепких, чем люди и тем более эльфы. Что ж, супруг, который станет здоровее и выносливее, состарится позже, а умрёт не в жалкие человеческие семьдесят, а хотя бы в гномьи сто двадцать, дракона вполне устраивал. От него, конечно, было много хлопот, зато с его появлением в башне стало не так скучно.

Он ещё даже не представлял, насколько.

===== Чем заняться супругу дракона =====

Беженцев было десятка полтора или два — грязные, потрёпанные, измученные долгими переходами по бездорожью люди крестьянского, по большей части, вида, а с ними два совершенно явных дезертира. По крайней мере, для Бертрана их солдатское прошлое было несомненным. Такие обычно прибываются к разбойничьим шайкам, он ещё дома на них насмотрелся досыта, участвуя вместе с братьями в облавах, а эти вот почему-то увязались за беженцами. Один под чересчур внимательным взглядом господина барона стушевался и потихоньку переместился за спину могучей тётки с исполинской котомкой за широкими, как не у всякого мужика, плечами. Второй, рыжий здоровяк с круглыми жёлтыми, настоящими кошачьими глазами, на пристальный взор его милости ответил с весёлой наглостью человека, которому терять нечего, зато и плакать не о чем.

Бертран усмехнулся. Он не дослушал мужичка, который путано объяснял, как они тут оказались, стараясь избегать таких неприятных слов, как «налоги», «подати», «оброк» и прочие обязанности земледельца по отношению к своему королю и к своему сеньору. Наречие жителей Краснолесья понять было несложно, кроме забавных окончаний да тягучего выговора, не сильно оно и разнилось с родным, а о значении совсем уж незнакомых слов легко было догадаться по смыслу остального сказанного. Да и слушать там, в общем, было нечего, и так всё было ясно: неудавшийся поход на соседей больно ударил по Краснолесью. Расходов было много, добычи оказалось мало, и чтобы вернуть потраченное на войну, король повысил налоги, а население, которому и до войны жилось небогато (почему оно, население, войну сперва и поддержало: пусть и соседям будет плохо, не только им одним), начало от такого счастья разбегаться кто куда. Не все, конечно — самые отчаянные... или отчаявшиеся. Словом, Бертран испытал даже лёгкое злорадство от того, что принимает на землях своего супруга крестьян, бежавших от недавнего противника.

Они обедали с Сентуивиром, когда им доложили о людях, стоящих возле рва, потому что мост, как всегда, был поднят даже в отсутствие видимого противника: лишившийся чешуи и крыльев, дракон страдал паранойей в достаточно тяжёлой форме.

— А, беглые, — равнодушно сказал супруг. — Гнать в шею... Хотя нет, подожди. — Слуга, дёрнувшийся было передать приказ повелителя стражникам, остановился и замер в истинно змеиной неподвижности (Бертран по привычке уже к здешней прислуге, но всё равно она его немного пугала, честно говоря). — Берт, хочешь своих каких-никаких вассалов? Бери вон этих. Надоест — прогонишь, а пока хоть займёшь время чем-то полезным. Скучно ведь

тебе, наверное? Ну, почитал там, на охоту съездил, а больше и заняться нечем. Так?

Бертран, чуть помедлив, кивнул. Ему не понравилось, как его супруг говорит об этом — словно предлагает завести кота или щенка, чтобы от скуки возиться с ним, раз уж проку от него, драконьего супруга, в башне нет никакого (ни на королевскую службу, ни просто в Зелёный Дол Сентуивир его не отпустил, заявив, что проклятие пока ещё не снято, стало быть, надо искать способы дальше, а в отсутствие Бертрана это затруднительно). Но нравится или не нравится, а люди уже стояли и ждали, соизволят ли хозяева здешних мест хотя бы сказать им: «Пошли вон».

И теперь он откровенно разглядывал беглецов, то и дело возвращаясь к рыжему, нахально ухмылявшемуся в ответ.

— Как зовут? — спросил его Бертран, не дослушав сбивчивую речь предводителя про детишек, которых нечем кормить, и про баб, на которых пахать придётся весной, раз лошадей отобрали, а как им, бабам, рожать-то после такого?

— Ржавый, ваша милость, — сверкая на диво крепкими зубами, ответил дезертир. — У нас титулов нету, прозвищами обходимся.

— Десятником был?

— Никак нет, ваша милость. — И пояснил всё с той же наглой ухмылочкой: — Язык у меня больно поганый, с таким жопы лизать несподручно.

— Грамотный?

Тот чуть помедлил с ответом, наверняка прикидывая, что выгоднее — скрыть это умение или сразу занять то место в деревенской иерархии, которое даёт умение разбирать и выводить закорючки на бумаге.

— Есть маленько, ваша милость, — сказал он после недолгих колебаний.

— Отлично, — сказал Бертран. — Перепишешь всех: имя, возраст, кто кому кем приходится.

Ржавый кивнул, не спросив ни про бумагу, ни про чем писать: то ли было чем, то ли не хотел начинать новую службу с пустяковых вроде бы, но всё-таки просьб.

— А вы, — Бертран опять перевёл взгляд на... старосту, что ли, — поищите место у реки, не ближе лиги от башни: мой супруг любит покой и уединение.

Вся толпа дружно посмотрела сперва на его плащ ярко-синего бархата («Нет уж, Берт, мой супруг не будет ходить оборванцем — я не хочу быть посмешищем для остальных драконов»), потом на стоящего на стене над воротами типа в такой же синей мантии. Тот стоял, безразлично вроде бы сложив руки на груди, но толпа поглядывала на него с нескрываемой опаской: колдун есть колдун, как начнёт молниями швыряться или там чуму призовет... Лучше уж и впрямь держаться подальше и сильно не докучать. Хорошо, хоть муж у него — просто благородный сеньор, которому только бы поохотиться да смазливую девку завалить, всё понятно и легко объяснимо. Привычно.

— Да, и ещё... Ржавый, мешок в одиночку утащишь?

— Смотря с чем, ваша милость, — хмыкнул тот.

— Не с золотом, не бойся, — усмехнулся Бертран. — Стой тут, я сейчас прикажу вынести мешок гороха или пшена. Похлёбку сварите на всех, что ли.

Новоявленные вассалы сделали попытку попадать в ноги великодушному сеньору, но тот досадливо отмахнулся: лучше делом займитесь. И народ двинулся через редкий позолоченный лесок вниз, к реке — искать место для будущего поселения.

— Мы намного южнее срединных земель, да? Здесь листопад только начался, даром что горы, а у нас уже последние листья должны были осыпаться.

— Южнее — не намного, но гораздо западнее, ближе к морю. А ближе к морю климат всегда мягче.

— Да? — удивился Бертран. — Почему?

— Берт, — простонал Сентуивир, в притворном ужасе хватаясь за голову, — ну почему ж тебя в детстве храму не отдали? Какой ты, ко всем вывернам, рыцарь? Ты же любопытный, как молодой крыс: во все дырки залезешь, а где их нет — прогрызёшь. В жрецы тебе надо было.

— А я отважным олухом стал, — хмыкнул Бертран. — Старший брат предлагал, но матушка встала насмерть: её семья новую веру так и не приняла, она сама до сих пор молится Матери Всех Живущих и про жрецов Девяти даже слышать не хочет.

— Старая семья? — Сентуивир как-то подозрительно сощурился. — Очень старая, да? Настолько, что даже совершенно обнищав, места при дворе не потеряла всё равно? Тогда я догадываюсь, почему ты выжил: в тебе уже была драконья кровь. Десять раз разбавленная капля, но этого хватило. Ты любишь мои окна, тебя ни в какую погоду не выгнать с крыши, тебе часто снится, что ты летаешь, — он не спрашивал — просто перечислял, и Бертран только механически кивал. — Какого цвета твои крылья?

— Серые со стальным отливом. Вир, я...

— В последнее время видишь такие сны ещё чаще, чем в детстве, — кивнул дракон.

— Откуда ты...

— А ты бы видел своё лицо, когда подходишь к парапету, — усмехнулся тот.

Бертран, смешавшись, промолчал. Он в самом деле после своего выздоровления почти каждую ночь кружил над горами, лениво пошевеливая стальными крыльями, ловя в них восходящие потоки. Пару раз рядом летел васильково-синий с золотом, ослепительно-красивый дракон, но обычно Бертран был один. Внизу проплывали леса — то всех оттенков зелени, то медовые, охристые, пурпурные, то заснувшие в снежном серебре. А ещё голубые, как отражённое небо, озёра, сверкающие водопады, одинокие скалы... А ещё был город. Небольшой, но хорошо укреплённый, с широкими прямыми улицами город из светло-серого камня, блестящего на солнце слюдяными искрами: сказочно-красиво и очень неудобно для вражеских стрелков. На башнях бились на ветру штандарты с драконами, и был этот город чем-то очень знаком, хотя никогда в жизни Бертран в таких не бывал — было в нём что-то не вполне человеческое, возможно, вот эта строгость и чистота линий: что-то от гномов, что-то словно бы от эльфов...

— А кто-нибудь ещё из твоих любовников выживал? — Про волшебные цветные сны говорить не хотелось, даже с супругом-драконом.

— Понятия не имею, — безмятежно отозвался Сентуивир. Он рылся на какой-то из бесконечных своих книжных полок, бормоча: «Не то, и это не то...» — А ты часто интересуешься, что едят и во что одеты твои бастарды?

— Нет у меня бастардов, — возмутился Бертран. — Мне на четырнадцать лет матушка подарила поясок и велела повязывать его на каждую девицу или вдовушку, которая мне приглянется. Слово с меня взяла перед алтарём, что я не буду... — он прикрыл глаза, вспоминая дословно, — плодить недостойных владеть половиной моей крови.

— Чудо что за женщина, — одобрительно сказал дракон без следа обычной своей иронии. — Красавица, да ещё и умница. Не удивительно, что Трис влюбился настолько, что

сам подыскал ей мужа, раз уж признать тебя сыном побоялся.

— Побоялся?

— Ну, я слышал про пару фавориток, скончавшихся от родильной горячки, и про одну, отравившуюся несвежей рыбой: не насмерть, хвала Прародительнице Сущего, но сильно подурневшую после долгой болезни. А ещё говорят, будто ваша королева не только красавица, но и весьма учёная дама: звёздами интересуется, алхимией, ядовитых гадов держит в специальной комнате с медными сетками до потолка... Вот она, нашёл!

— Что нашёл? — не понял Бертран, еле успевающий переваривать вывалившиеся на него подробности дворцового жития.

— «О рельефах обитаемого мира, о погодах, им соответствующих, о деревьях и травах, в разных областях произрастающих, о зверях, гадах и птицах...» В общем, почитай, сам узнаешь, почему ближе к морю климат мягче. Пишет... вернее, писал многомудрый Багир Киссэнский очень внятно и доступно, да ещё и с рисунками, чертежами и схемами. Держи, любознательный ты мой.

— Подожди, — книгу Бертран взял, но упрямо тряхнул головой, — я-то теперь для женщин опасен, как ты сам?

— Нет, разумеется, — Сентуивир даже глаза закатил к сводчатому потолку. — Если тебе снится, что ты дракон, это вовсе не значит, что ты им и являешься. Не опасен ты ни для женщин, ни для мальчишек. А кстати, ты собрался мне изменять?

— А тебе нужна моя верность? Как скажешь, супруг мой, — ядовито отозвался Бертран, успевший усвоить, что говорить с супругом вежливо и терпеливо — себе дороже. — Тогда я с тебя требую того же. И сейчас, и через тридцать лет, когда я превращусь в лысого толстяка, страдающего одышкой.

Увы, пронять дракона не удалось.

— Глупый человечек, — сказал Сентуивир снисходительно, — а с чего ты решил, будто мои критерии красоты и привлекательности хоть немного соответствуют твоим?

===== Кому - заботы, кому - забавы =====

Мать Всех Живущих была милостива к поселенцам: после двух недель нескончаемых дождей установилась ясная, а днём так даже тёплая погода. Мужчины споро расчистили на высоком берегу Серебрянки место под строительство и поставили один на всех пока что дом, понимая, что главное для них сейчас — как-то пережить эту зиму. Его милость господин барон оказался, хвала Матери, человеком добрым и не скупым — дал на первое время муки и крупы, инструментом кой-каким поделился, но все разговоры с поселенцами вёл либо во дворе общего дома, либо у моста: в башню же никого из своих новых вассалов не требовал даже на хозяйственные работы (о чём никто из беглецов нисколько не жалел — своё бы успеть сделать, не то что на сеньора работать), а когда он уходил в ворота, мост немедленно поднимался снова, оставляя между пятисаженной стеной и пустырьём глубокий, с крутыми стенками ров, на дне которого из жирной, даже на вид липкой чёрной грязи угрожающе скалились ржавые кривые железки самого хищного вида, а что скрывалось под слоем этой самой грязи, о том даже думать не хотелось. Даже Ржавый при всём своём нахальстве за ворота крепости заглянуть не сумел, только подтвердил, что служат колдуну и его супругу змеелюды, самые настоящие, как в сказках про драконов, укрепив товарищей по несчастью во мнении, что от башни надо держаться подальше. Выплачивать подати, когда

станут на ноги, просить у барона защиты от лихих людей и нелюдей, но его мужу-колдуну лишний раз на глаза не попадаться.

— А колдун здешний до того сильно могучий, что ему дракон служит: как позовёт колдун, так и летит, ровно ястреб ручной, потому башня и зовётся Драконьей. Захотел бы, давно бы всё княжество захватил, да ему недосуг — он всё зелья варит, чтоб бессмертным стать. — Народ уже поужинал, но из-за длинного стола вставать не спешил, с интересом слушая рассказы Мики, который вообще-то был тот ещё врун, зато рассказчик отменный. То, что надо для таких вот вечеров в преддверии наступающей зимы, когда даже руки особо нечем занять, поскольку всего хозяйства пока — один дом на всех, а всей скотины — мышей, и тех нет.

— Да он и так уж, поди, бессмертный, — усомнился щуплый мужичок с редкими сивыми волосёнками вокруг плечи и вместо бороды. — Люди-то болтают, будто он тут уж второй, не то третий век сидит, а с виду не старше господина барона.

— Не, — авторитетно возразил Мика, — был бы бессмертный, на кой-ему сдалась такая башня? А раз он за стеной, да за рвом, да за мостом, так стало быть, можно его убить. На то, видать, и в мужья рыцаря взял, чтобы командовал евонными змеелюдами, ежели кто сунется.

— А вдруг колдун кровь из него пьёт? — спросил чей-то жалобный женский голос. — Или эти... декокты варит? Жалко ведь: красивый, молоденький, добрый такой...

— Он тебе кто, колдун или упырь? — фыркнула Дара. Уж эту-то красотку Ржавый и в полной темноте бы по голосу опознал. — Не пьёт он из его милости кровь и декокты не варит, здоров его милость — тебе бы так.

— А ты уже проверила? — ревниво спросила ещё одна бабёнка.

Дара снова фыркнула, но уже так, что всем стало ясно: проверила, и не раз, и осталась вполне довольна мужским здоровьем господина барона. С какой радости сбежала вместе с Микой обозная девка, она и сама не говорила никому, и болтун Мика только хмыкал да плечами пожимал, но подработать прежним ремеслом она никогда не отказывалась. Правда, и заработанным легко делилась с попутчиками, особенно выделяя ученика лекаря: «Он же блаженненький, не покормишь — сам и не вспомнит».

Ржавый все эти разговоры слушал, но сам помалкивал — он из-за стола встал, едва поел, и теперь валялся на своём топчане у окна: дует оттуда, понятно, зато посвежее, а для тепла у него дружок есть. На них косились: чай, не благородные, чтобы мужик с мальчишкой одну постель делили. Но Ржавому на косые взгляды было плевать, а Аир едва ли вообще замечал, что на него косятся — он жил где-то в своём, вышнем мире, в этот сходя только для того, чтобы промыть ссадину, вправить вывих или заварить травок от кашля для простуженных попутчиков. К ним потому и не лезли, хоть и косились, что Ржавый с Микой одни только и знали, за какой конец держат мечи, а другого лекаря, кроме Аира, беглым крестьянам вряд ли бы удалось найти, даже будь у них на это деньги. Которых, кстати, у них и не было.

— Глаза испортишь, — проворчал для порядка Ржавый, потому что Аир, как обычно, пытался при свете плошки с топлёным салом что-то прочесть в толстой тетради, исписанной совершенно нечитаемым для полуграмотного наёмника, кошмарным лекарским почерком.

— А? Я недолго, — рассеянно отозвался парень, упрямо разбирая торопливые неровные строчки.

— Надо для тебя у господина барона хоть огарков попросить, — сказал Ржавый. — Не дело, понятно, к его милости с такой ерундой лезть, да этих змеелюдов хрен разберёшь, кто

из них ключник, а кто так, мелкая сошка.

— Лучше не надо, — торопливо сказал Аир, закрывая тетрадь. — Ещё рассердится, что ты его из-за каких-то огарков беспокоишь.

— Не будет он на такое злиться, — уверенно возразил Ржавый. — Не та порода. Сам небось каждый вечер за книжкой просиживает, больно уж говор у него... я когда у господина Дромара охранником служил, поневоле всяких словечек понахватался, а его милость в разговоре то и дело такое скажет — ну точно сам магик.

— Он тоже мог от супруга набратся.

— Мог, — согласился бывший наёмник. — Только из книжек-то оно верней, разве нет?

— Верней, — признал парень. — А ты не говорил, что служил охранником у гнома.

— Да мне про него лишний раз лучше вовсе не вспоминать, — хмыкнул Ржавый. — Не знаю, что у него за дела были с остроухими, и знать не желаю, только как бы бородачи и меня за компанию не прихлопнули. Я ж потому и подался в солдаты, что солдаты — они все на одну морду, мать родная не отличит, где который. Думал, послужу годика три, коротышки и про Дромара-то покойного забудут, не то что про его псину цепную, да кто ж знал, что этот ворюга так животом слаб окажется — сдохнет с червивой солонины, что для нас закупил? Так и не вышло у меня спрятаться.

— Да у тебя нигде не выйдет, — улыбнулся Аир и легко пробежался кончиками пальцев по медной щетине приятеля: время от времени тот соскабливал начинающую отрастать бороду ножом, но не каждый же день такой ерундой заниматься. — А ворюга — это интендант?

— Он самый, чтоб ему в следующий раз портовой шлюхой родиться. Мы его заставили самого солонину жрать, для нас купленную, а он возьми да сдохни. А какая-то сволочь нашептала господину дознавателю, что это я всех подбивал да громче всех орал, что за такие дела вовсе повесить бы надо.

— Ну, так в самом деле надо, — возмущённо ответил Аир. — А если бы вся ваша сотня отравилась?

— Так мы ж не из купеческих сынков, нас бабы новых нарожают, — зло сказал Ржавый.

Говорили они вполголоса, но последние слова как-то попали во вдруг возникший перерыв в общем равномерном гудении, и услышали их все в доме.

— Вот уж правда, — с горьким смешком отозвалась Дара. — Нарожаем. Новых, да.

— От господина барона, — ехидно поддела её неудачливая соперница.

— Его милости ублюдки без надобности, — отмахнулась красавица.

— Да много благородные думают о своих ублюдках, — возразил ей кто-то из мужиков.

— Да уж побольше твоего, — фыркнула она.

Галдёж начался по новой: женская половина обвиняла мужскую сначала в небрежении отцовскими обязанностями, потом — просто во всех грехах подряд, мужчины сперва оправдывались, потом огрызались, а там и сами перешли в наступление. Аир зевнул, положил голову на плечо Ржавому и сказал:

— Если я когда-нибудь и женюсь, то только на глухонемой. Чтобы и на меня не злилась, если ляпну не то, и сама молчала.

— Мальчишка — маг, ты заметил?

К немалому удивлению Бертрана, Сентуивиру захотелось взглянуть, как там их новые подданные. Солнце только-только двинулось из зенита вниз, к западу, на открытом месте

над рекой было по-настоящему тепло, работники вовсе остались в одних рубахах. Стучали топоры, взвизгивали пилы, влажно чавкала земля под лопатами: поселенцы вкапывали столбы для ограды, наметив её с трёх сторон — с четвёртой был речной обрыв. Завидев его милость с супругом, народ торопливо закланялся, но работу не бросил, боясь упустить погоду. Дракон милостиво покивал на поклоны, оглядел с седла обжитый понемногу берег, зацепился взглядом за чернявого парнишку, который посреди общей деловой суеты одиноко сидел на поваленном дереве, слишком старом, корявом и трухлявом, чтобы использовать его для строительства или даже для ограды. Парнишка листал пухлую потрёпанную тетрадь и даже головы от неё не поднял, то ли не заметив всадников, то ли не придав значения их появлению.

— Я же не дракон, чтобы видеть магические способности, — возразил Бертран. В поселении они не задержались: Сентуивир бегло осмотрел, что уже сделано, и выслушал краткий отчёт супруга о том, что ещё его люди надеются успеть до ненастья и холодов, и они тронулись дальше — дракону скучно было в башне, и он в любую погоду выезжал верхом, в любимых его местах уже тропки пролегли за много лет.

— Скажи ему, что может приходиться и брать книги по целительству.

— Ты же не хотел никого пускать в башню, — удивился Бертран.

— Во-первых, — лениво проговорил Сентуивир, — последнее, на что такой мальчик посмотрит — это розовый мрамор и самоцветные подвески в светильниках, в лучшем случае он заметит, что это красиво, не задумываясь над стоимостью. Во-вторых, слабенький, но несомненный мажонк-целитель остался почему-то без наставника... кстати, не знаешь, почему?

— Да с его наставником случилась какая-то мутная история, — хмурясь, сказал Бертран. — То ли не от того лечил княжеского сына, то ли не тем... Не знаю подробностей, но старика казнили, а парня Ржавый успел увести из-под носа стражников. Должен он был лекарю за что-то, вот тот и потребовал от него спасти хоть ученика. Так, по крайней мере, он говорил.

— Если не врал.

— Если, — согласился Бертран. — Но не похоже, по-моему. Ржавый — не подарок, конечно, но я бы его в Гнезде Грифона точно десятником назначил, а со временем, возможно, и ещё бы повысил. Наглец, конечно, каких поискать, зато умеет заставить других и слушать, и слушаться. И за спиной пакостить не станет по-тихому.

— Да, по-тихому он точно не умеет, — усмехнулся дракон.

Они ехали шагом, вокруг порхали в воздухе золотые и красные листья, ложились под ноги, застилали землю ярким шуршащим ковром.

— Красиво здесь, — мечтательно проговорил Бертран. — Тот, кто назвал нагорье Золотым, наверное, пришёл сюда ранней осенью.

— А вдруг он тут золото нашёл?

— Тогда бы даже ты отсюда гномов выкурить не сумел.

Сентуивир рассмеялся, но признал:

— Да, пожалуй. Зарылись бы под землю и ковырялись потихоньку у меня под носом. Ты прав, нет здесь золота.

— И хвала Матери, что нет.

— Охотники скоро сюда потянутся, — сказал дракон. — Я их сперва гонял, потом махнул рукой: вреда особого от них нет, зато они потом в Долгом Мысе страшные сказки

про меня рассказывают, как сами чудом спаслись и другим лезть в мои владения не советуют.

— Боюсь, что скоро конец твоему покою и уединению, — заметил Бертран.

— Да в общем, — рассеянно отозвался супруг, — хватило мне уже и того, и другого. Попробую развлечься теперь на матушкин манер: не надоедает же ей с вами возиться уже который век. Вдруг и мне покажется забавным?

===== Кот из дому - мыши в пляс =====

До Белых Увалов Бертран доехал с обозом из Долгого Мыса, к радости купца, что его совершенно бесплатно сопровождает очень неплохо вооружённый рыцарь: прежде чем отпустить супруга к матери, Сентуивир отвёл его в подземелье под башней и заставил перемерить гору доспехов и передержать в руках половину арсенала, пока тот не подобрал меч по руке. На возмущённое шипение Бертрана, что он не собирается жить на содержании у супруга, дракон ответил не менее злобным шипением, что во-первых, супруг ему пока ещё нужен живым и, желательно, со всеми частями тела, а во-вторых, он, Сентуивир, не намерен становиться посмешищем для остальных драконов, отправляя супруга в долгий и опасный путь с ржавым мечом и в побитой броне, когда ему впору торговать трофеями. Бертран на «ржавый меч» обиделся, но доспехи у него после памятного боя за Гнездо Грифона и правда как были, так и оставались наспех починенными. Если бы Сентуивир попытался натянуть на него позолоченную кирасу с самоцветами по груди и плечам (а такого добра у него было — стояков не хватало всё развесить), Бертран, разумеется, с негодованием бы отказался, но коварный дракон ткнул его носом в очень скромную на вид броню без всяких украшений, зато изготовленную гномами, и сидевшую на рыцаре подозрительно хорошо, словно для него и была сделана. И меч подсунул такой же — без камней, без гравировки, но разрубивший с одного удара стальной держатель для факела. Возможно, у дракона даже в человеческом теле сил было побольше, чем у обычного мужчины, но на лезвии не осталось даже царапины, и Бертран (слаб человек, и увы, не только мышцами) не устоял.

Из Белых Увалов обоз двинулся на юго-восток, а Бертран, не найдя попутчиков, в одиночку рискнул поехать на север. И в первом же трактире на перекрёстке между мелким городишкой, в который он не собирался заезжать, и гномьим поселением при руднике, где ему и вовсе делать было нечего, к нему привязалась троица явно безземельных и безденежных рыцарей, судя по всему, разбойничавших по дорогам. В городке с каким-никаким наместником они наглеть не рисковали, к гномам соваться — самоубийцами тем более не были, а вот напасть втроём на одного в трактире, хозяин которого хоть и платил налоги городишке, но за стражниками вряд ли часто посылал — совсем другое дело.

Началось с того, что один из троицы прикинулся оскорблённым — усмехнулся незнакомец, видите ли, глядя на его щит без герба, — и потребовал поединка. Бертрану драться совершенно не хотелось, он даже выслушал обычное в таких случаях обвинение в трусости с понимающей ухмылкой, но с места не сдвинулся. Увы, отделаться от благородных разбойников по-хорошему не удалось, они орали и наскакивали, надоев хуже брехливых шавок — пришлось выйти во двор, куда тут же вывалились все сидевшие в трактире и прислуга заодно, и даже хозяин с озабоченным видом встал на крыльце, гадая, не послать ли всё-таки раз в год за стражей, а то больно уж дорогая экипировка у чужака, не вышло бы потом разбирательства с отрыванием голов у всех, кто близко стоял и просто смотрел:

трактирщик был человек бывалый, и ему не нужны были ни камушки, ни позолота, чтобы оценить стоимость доспехов и оружия. Щит с серебряной елью на зелёном поле был ему не знаком совершенно, но уж баронскую корону он на нём заметил, едва глянув. И подивился глупости рыцарей-разбойников, не способных понять простой вещи: барон, которому и четверти века не сравнялось, в гномьей работы доспехах и с гномским же мечом — это ж либо отец его весьма знатен и богат (правда, тогда не понятно, почему отпустил сына одного, даже без оруженосца), либо его милость сам столь многого в свои годы добился, и тогда уж лезть к нему и вовсе не стоит, не дожидаясь гнева его батюшки.

Денёк был серенький, пасмурный, грязь, недавно взявшаяся хрустким ледком, подтаяла и, влажно причавкивая, скользила под ногами, в воздухе висела холодная водяная пыль — то ли редкий туман, то ли мелкий дождь, садившийся капельками на металл и кожу и охотно впитывающийся в сукно. Бертрану откровенно лениво было драться с недоумком: после поездки по такой погоде больше всего на свете ему хотелось посидеть у огня и выпить чего-нибудь горячего, а лучше — горячительного, но отвязаться по-другому, не получилось, и он потянул из ножен подарок супруга.

— Так, стало быть, вы, сударь, не желаете извиняться за то, что посмеялись над моим щитом? — приняв горделивую позу, спросил зачинщик.

Можно было и извиниться, объяснить, что в мыслях не имел, и дурацкие сплетни Бертрана волновали мало: кто считает его трусом, пусть спрашивает об этом горных орков. Вот только чуяла его... хм... сердце чуяло, что извинения делу не помогут, потому что явно этот дурак нацелился на трофейный доспех, какой ему и в сладком сне не приснился бы. Ну-ну, пусть попробует снять.

— Не желаю, — нетерпеливо ответил Бертран, прикидывая, как бы проучить дурака, не убивая и не слишком калеча при этом. Но так, чтоб это было не слишком долго — хотелось всё-таки и сапоги поскорее высушить, и выпить.

— Тогда пусть прольётся кровь!

Бертран хмыкнул над пафосной чушью, но тут все трое разом вытащили мечи из ножен, и с него мигом слетело ленивое благодушие: беспокоиться, похоже, предстояло не о том, чтобы не убить придурка, а о том, чтобы не убили его. Он цепко оглядел противников, прикидывая, кто наиболее опасен и как лучше защищаться, действуя в одиночку против троих, но им помешали.

— Хэй, блахародные хаспада! А не мало ли вас на аднаво?

Все четверо опустили мечи и уставились на неспешно, вразвалочку приближающуюся к ним девицу. Девица была долговязая, длиннорукая-длинноногая, нескладная с виду, с маленькими глазками и широким ртом — орочья кровь так и лезла в глаза. Обряжена она была в очень неновую, но тщательно, трепетно даже ухоженную кольчугу родом из-под горы, подороже доспехов разбойничающих рыцарей, и её нескладный вид Бертрана не обманул — видел он в бою и орков, и их полукровок. Она помяла левую руку выше локтя, поморщилась, покрутила запястьем и сказала деловито:

— Щит не дашь, твая милость? — на эти «а» она налегала так, что даже хэканье на их фоне терялось. — Неспадручно без щита-то, а мой вдребесхи. У тебя вон бастард, а я-то с аднаручникам.

Бертрана на разбойников брали с двенадцати лет, в пятнадцать он поступил в военную школу, а дальше в его жизни была сплошная военная служба, а в ней, как водится, случались самые неожиданные и враги, и союзники, так что отличать их друг от друга он поневоле

научился. Ну, пока что милостью Матери, чутьё его ни разу не подводило. Он стряхнул с левой руки щит, отдал его девице, и та так привычно, словно они были давними напарниками, скользнула ему за спину, что один из нападающих возмутился:

— Что за поединок с оруженосцами!

— Что за поединок — втроём на одного? — усмехнулся Бертран. — Ну, так что, господа? Я жду.

Господа откровенно замялись: дело оборачивалось совсем не так, как им хотелось. Они-то думали поколотить богатенького бароныша и в качестве законного трофея снять дорогой доспех. Но драться всерьёз против подозрительно спокойного и собранного типа и вставшей у него за спиной опытной наёмницы, разом лишившей их преимущества? Оставалось срочно придумывать наименее позорные пути к отступлению.

И гласом небес раздался сиплый вопль промокшего рога.

— Никак королевский курьер к наместнику? — ни к кому вроде бы не обращаясь, произнёс трактирщик со своего крыльца, приложив ладонь ко лбу козырьком, только от дождя, а не от солнца. — Эй, лодыри, лошадей на смену готовить, живо! Вина согреть, полдюжины яиц на сковороду... — кажется, вкусы курьера ему были отлично известны.

— Что ж, не будем мешать курьеру его величества, — изящно поклонившись, сказал Бертрану один из рыцарей. — Очевидно, сами Девятеро не желают нашей ссоры.

— Несомненно, — насмешливо поддакнул он, но проводил их взглядом, убедившись, что они спрятали оружие и вообще убрались со двора, и только тогда обернулся к неожиданной союзнице:

— Благодарю за помощь, наёмница. Руку сломала, когда «щит вдребезги»?

— Аха, — она чуть замешкалась, возвращая щит. — Вот такие же блахародные на абоз напали, еле атбились.

— А в благодарность, что отбились, купец тебя на постоялом дворе бросил?

Она равнодушно пожала плечами:

— Так и ему в дарохе лишний рот ни к чему, и мне руку бальную в телехе трясти... Падлечусь вот, занава службу пайцу. Меня мноха хто знает, Хрета Ляхушачий Рот меня звать. Не слыхал?

Он покачал головой:

— Если ты не со Злого хребта, вряд ли я мог про тебя слышать. — Сомнительно, конечно, что со Злого — с таким-то выговором.

— Не, мы с юха, с Мхлистава.

— Пошли-ка в зал, Грета, — сказал Бертран, откровенно разглядывая девицу... вернее, безработную наёмницу. — Ты ведь Маргарета?

— Ой, твая милась, ты б меня ещё Мархо назвал, — фыркнула она. — Хрета я, попрасту.

*

— Верно, — кивнул Сентуивир, с любопытством глядя на не в меру умного мальчишку, — не служат драконы магам, каким угодно сильным.

— А значит, вы и есть тот дракон, которого видят охотники?

Он прищурился, не желая избавлять человечка от его заблуждений, а у мальчишки глаза горели, как у кота, в восторге, что он говорит с самым настоящим драконом, пусть и в

человеческом облике. Отмытый и одетый в старую хозяйскую мантию, он выглядел совсем ребёнком — тощий, с цыплячьей шейкой, с чуть пробившимися усишками, но Сентуивир помнил его лицо, когда его привели в библиотеку и разрешили брать ВСЁ. Естественно, никуда не вынося, но дозволив делать любые выписки. «Такой, — думал дракон, откровенно обшаривая взглядом утонувшее в просторной мантии тельце, — согласится на что угодно, лишь бы узнать что-то новое».

— Ты знаешь легенды о нашей крови? — вместо ответа спросил он.

— Бессмертие и неуязвимость? — мальчишка скептически pokrивился. — Но ведь даже драконов можно убить, значит, их кровь не сделает неуязвимыми людей и прочих.

— Верно. Но продлит жизнь и укрепит здоровье, и весьма существенно. Правда, может и убить того, кто недостаточно силён. Я вот только не знаю, — в непритворном сомнении произнёс дракон, — сколько её нужно для этого, а на моём супруге проверять уже поздно: он уже переболел и выжил. И если начать с одной капли — опасно это или нет? Я не знаю.

— Давайте проверим на мне, — немедленно загорелся мальчишка. — Я буду записывать все симптомы, которые проявятся, если кровь принимать, постепенно наращивая дозу, а если даже и умру... — он дёрнул плечом. — Ну... жалко, конечно, наши на зиму останутся без целителя — даже без такого, как я. Зато если выживу...

— Будешь помалкивать об этом, а книгу оставишь здесь и никогда не попытаешься переписать по памяти, — жёстко оборвал его Сентуивир. — Я не хочу, чтобы на меня охотились с целью напоить моей кровью какого-нибудь стареющего императора, — помягче прибавил он, нежно касаясь кончиками пальцев лица парнишки. Тот даже дышать перестал и прикрыл глаза, подаваясь навстречу простенькой ласке. «Неужели его любовничек совсем его не ласкает? — удивился Сентуивир. — Просто пользуется, ничего не давая взамен? Ну, тогда не обижайся, рыжий дурак, если твой мальчик найдёт кого-нибудь поумнее». — Обещаешь? — выдохнул он во влажные волосы, почти касаясь их губами.

— Да, — бестрепетно кивнул Аир.

— Хорошо, — сказал Сентуивир. Он налил воды в бокал, стоящий на столике, об который вечно ушибался вечно о нём забывающий Бертран, кольнул палец кончиком ножа и уронил в воду единственную каплю. — Пей.

Он ждал, что мальчишка в последнюю минуту не то чтоб откажется — просто замнётся, усомнится в необходимости платить жизнью за неявную возможность пожить подольше, но тот с готовностью выпил воду, в которой капля драконьей крови растворилась без следа, и потянулся к тетради со своими выписками.

— Подожди, — сказал Сентуивир, мягко улыбаясь, — книгу заведёшь отдельную и будешь отдавать мне, уходя. Договорились? А пока я хочу наградить тебя за храбрость.

— Как? — голосок разом осип: всё-таки парнишка догадывался - как, только не верил в такую возможность.

Сентуивир рассмеялся, притянул его к себе и поцеловал. Всерьёз, так чтоб парень поплыл в его руках. Заходить дальше дракон пока что не собирался, помня, чем это едва не закончилось для его супруга, но с мальчишкой и просто целоваться было приятно: темперамент у того был вовсе не цыплячий. «Похоже, — подумал владыка Драконьей Башни, — время, пока Берт в отъезде, удастся провести не только с пользой, но и с удовольствием».

— А меня с братцами вместе учили, никто ж меня с маей-то рожей замуж не возьмёт, вот отец и учил с мечом управляться.

Если Грета и боялась оборотней, серыми тенями стелившихся по обе стороны полузабытой лесной дороги, виду она не показывала. Впрочем, может, и не боялась: даже осьмушка орочьей крови сказывается на человеке очень сильно, а уж половина... Ну, волки — и волки, чего их бояться?

— Вот ещё хадков пять панаёмничаю, — прибавила она задумчиво, — денех падкаплю, найму какова красавчика, чтоб дитё мне заделал... ежели не убьют, панятна. А то астанусь на старости адна-адинёшенька, некаму вады падать.

— Может, мне тебя замуж выдать? — подавив улыбку, спросил Бертран. Он к её «ляхушачьей роже» привык уже на второй день, а теперь вовсе не обращал внимания на широкий рот и маленькие глазки, потому что у Греты оказался на диво лёгкий нрав (правда, идущий в обнимку с неумеренно бойким языком, но на слишком вольное обращение Бертран вообще был склонен смотреть сквозь пальцы, а вот подхалимов терпеть не мог и не верил им ни на грош).

— Так ведь ежели приданое бальшое дашь, женятся-то на деньгах, не на мне, твая милась, — возразила наёмница. — А ежели силком кахо заставишь, так он же меня невзлюбит хуже всякай злыдни. На кой-мне этакое счастье-то?

— Но неужели не было ни одного парня, которому бы ты нравилась какая есть?

Грета фыркнула.

— Вот такая, да? И сабой страшна, и любова мужика пабью? Нет, твая милась, таких дурных не была.

Они ехали неспешной рысью, избегая оживлённых дорог, чтобы оборотням не приходилось перекидываться в людей, которые пешком передвигались куда медленнее волков. На Золотое Нагорье согласились перебраться немногие, не набралось и десятка желающих, хотя в срединных землях жилось им несладко — люди откровенно выживали их с привычных мест, вырубая леса и распахивая охотничьи угодья. Бертран, впрочем, на многое и не рассчитывал: главное, чтобы первые переселенцы нашлись вообще, а за ними и другие потянутся. Пятеро взрослых волков и трое подростков вполне в состоянии были защитить крестьян от обычных хищников Золотого Нагорья, плохо было только то, что среди них не было ни одной женщины. С женщинами вообще была беда, впору было покупать их у торговцев... или сманивать вдов и бесприданниц, обещая им не особо завидных, но всё же мужей.

Правда, вовсе не все вдовы стремились снова выйти замуж — матушка, к примеру, на настойчивое предложение найти себе консорта, и совсем не обязательно смазливое сопляка, который живо пустит имение по ветру, просто спросила Бертрана: «А зачем мне это нужно? Так я сама себе хозяйка...» И что можно было на это ответить, Бертран не знал. Она действительно выглядела вполне довольной жизнью, вернувшись в Зелёный Дол из замка старшего пасынка, жене которого с нескрываемым облегчением передала все ключи, едва Бертран поступил в военную школу: деревушка в два десятка дворов и дом, в котором не теснятся несколько семей, её, уставшую от суеты и шума, более чем устраивали. Ещё ей очень понравилась Грета, и она настойчиво советовала всеми силами наёмницу удержать после того, как оборотни будут доставлены к Драконьей Башне. Бертран покивал, соглашаясь: он и сам бы охотно принял от наёмницы вассальную клятву, но понятия не

имел, как к такому предложению отнесётся девица, привыкшая к отношениям «наёмник — наниматель», где никто никому ничего сверх контракта не должен. Получить верный кров, стол, заботу сеньора в случае болезни или ранения, но за это признать за ним право распоряжаться собой — вряд ли это понравится независимой и весьма самоуверенной Грете Лягушачий Рот.

Снег летел и летел, танцевал, кружился крупными хлопьями. Ложился на прихваченную морозцем дорогу, заравнивая колдобины, прятал до весны жухлую траву, накидывал ажурные шали на деревья. Лошади косились на оборотней, нервно прядали ушами, но волки не проявляли бесчестного желания сожрать попутчиков, и три выючные кобылки послушно труси'ли за верховыми: одежду для оборотней в их людской ипостаси и кое-какие хозяйственные мелочи везли во выюках, чтобы не связываться с повозкой, для которой нужны дороги получше и пошире, не просто лесные тропки. Оборотни, собственно, дорогу и выбирали: время от времени кто-нибудь из них уносился далеко вперёд на разведку, потом возвращался и докладывал об увиденном, так что Бертран утвердился в своём решении сделать их егерями. Использовать силу и быстроту зверей и их человеческий разум в обмен на право жить и охотиться без помех на Золотом Нагорье. Где нет никаких жрецов Девяти, и никто не станет указывать владыке Драконьей Башни, кого принимать, а кого не принимать под свою руку. «Интересно, как там Вир? — подумал Бертран. — Надеюсь, поселенцы ему не сильно докучают».

*

Самого колдуна поселенцы, к немалому своему облегчению, толком и не видели, но его распоряжения передавал сперва Аир, допущенный в башню, а потом Ржавый, которого дальше ворот не пускали, но который зато вместе с приказаниями владыки Драконьей Башни приносил в поселение инструмент и кое-какие припасы — плату за требуемую работу. А требовал господин маг поставить небольшой домик на опушке перед воротами и выкопать колодец, даже место указал для того и другого, угадав к общему удивлению с колодцем: мужики ожидали, что после двух-трёх аршин наткнутся на голый камень, но на верных четыре сажени шла сплошная глина, а вот под нею неожиданно оказалась жила с чистой водой - ну, что тут скажешь, колдун и есть колдун, сквозь землю видит.

Мужики поворчали, конечно, что с этими домами да колодцами на себя времени не остаётся, но честно-то говоря, не сильно они и упирались. Дрова и охота — конечно, забота немалая, но ни соль, ни муку в лесу не добудешь, да и кирки, лопаты, топоры тоже денег стоят, а их давали даром, требуя взамен самой обычной, привычной работы. Пару неказистых, но крепких ещё лошадок, чтобы возить брёвна и камень, пригнал из Долгого Мыса Мика, которого отправили в город продать скопившиеся шкуры, и к возвращению его милости напротив ворот стоял домик с печкой и с колодцем позади, куда и переселился Ржавый, которому велено было быть у колдуна под рукой, чтобы не гонять змеелюдов по заснеженному перелеску, ежели вдруг зачем-то он владыке башни понадобится. Аир тоже перебрался туда, но он в доме только ночевал, с рассвета и до заката пропадая в библиотеке башни. Целительские атласы, изображающие тела людей и нелюдей в разрезах, труды известных травников, книги лечебных заклинаний... Да он отказался бы от посмертия и пары следующих возрождений, чтобы иметь возможность изучать всё это, а с него всего-навсего требовалось спать изредка с хозяином башни — любовником, кстати, куда более

ласковым, внимательным и умелым, чем рыжий наёмник. Правда, перед Ржавым Аир всё же чувствовал себя виноватым, помня, чем ему обязан, но тот-то как раз голову свою рыжую такой ерундой, как верность любовника, не забивал. Ему хватало тёплого тела под боком долгими зимними ночами и сопения в шею, чтобы быть вполне довольным жизнью, а чем уж парень платит за науку... понятно, чем — тем, что у него есть. Собой, то есть.

Благополучное возвращение господина барона из дальней и довольно опасной для одиночки поездки поселенцы восприняли с облегчением, но вот кого он им привёз в качестве соседей... Народ глухо зароптал, но Бертран спокойным ровным голосом объявил, что он сюда никого не звал и тем более никого здесь не держит, так что недовольные могут отправляться на все четыре стороны. Но чтобы от тех, кто останется, он ни слова не слышал про волчьи морды. Так же, как и от оборотней он не желает слышать, что без людей нагорье было бы куда просторнее и свободнее.

— Не поладите до весны по-хорошему, возвращайтесь откуда пришли, — закончил он, развернул коня и уехал, оставив оборотней и крестьян угрюмо смотреть друг на друга.

Ржавый почесал в затылке: да уж, задал им его милость задачку.

— Вы жить-то где думаете? — спросил он волков... ну, то есть, сейчас-то они, понятно, были людьми, но как-то сразу прилипло это «волки». — В общем доме, или свой поставите?

— Свой, — ухмыльнулся вожак. — Вон там, на горке.

— Огораживаться-то с четырёх сторон придётся, — усомнился Мика. Остальные помалкивали, предоставив дезертирам объясняться с новыми соседями. — И воду носить далеко.

— Ничего, донесём. А ограда нам без надобности, к нашему жилью и так ни один зверь близко не подойдёт.

— Значит, не врут люди — вы и впрямь метки ставите? — влезла в мужской разговор Дара. — А может, и нам ограду пометите, а то иной раз с утра выйдешь, а на речку идти боязно: волчьими лапами так и истоптано кругом.

— Не врут, — усмехнулся волчий вожак. Он в упор смотрел на пообносившуюся и заметно потрёпанную лесной жизнью красотку, но ни обветренное лицо, ни облезлый полушубок его не смущали. — Хочешь узнать, чего ещё не врут?

— У вас, кобелей, одно на уме, — проворчала могучая тётка Фрида. — Что у волков, что у людей. Пошлите в дом, что ли. Жрать небось хотите с дороги-то? А вы чего вылупились? — напустилась она на молчаливо насупленную толпу. — Перевертышей не видали? Ну, кому сильно надо, ночью пощупайте, велика ли разница. А пока воды в баню натаскайте, а то напустят нам блох в дом-то...

*

— Они там у тебя не поубивают друг друга?

— Не должны. — Бертран с наслаждением вытянул ноги, пристроив их на низенькой скамеечке у самой каминной решётки. Вообще-то, в башне были сложены печи с какой-то гномами рассчитанной, очень сложной системой дымоходов, но в кабинете его супруга чуть ли не сутками похладал камин — Сентуивир любил сидеть у открытого огня. — Деваться им некуда, так что пусть привыкают ладить. Не буду же я их за ручку водить.

— А если поубивают?

— Тебя это в самом деле заботит? — удивился Бертран.

— Да вот ещё, — Сентуивир налил вина в два бокала, принёс один супругу, со вторым сел в другое кресло. — Мне просто любопытно, что в таком случае будешь делать ты?

— Разберусь, кто виноват, и накажу кого попало, — усмехнулся бывший помощник командира гарнизона. — Если будет кого наказывать... А вообще, там есть Ржавый, там есть тётушка Фрида, и вожак оборотней давно не брехливый щенок. Договорятся как-нибудь. — Он помолчал немного, сделал пару глотков и спросил совсем другим тоном: — Ты не жалеешь? Что позволил им здесь поселиться?

— Да нисколько, — фыркнул дракон. — Ваша королева держит змей и ящериц, а я вот людей себе завёл, они гораздо забавнее.

— Особенно мальчик-целитель в роли ручной змейки.

— Ты ревнуешь? — удивился Сентуивир. — Хм. Судя по твоей хорошенькой орчанке-полукровке, в дороге ты тоже не мёрз в одинокой постели?

— Хорошенькой? — Бертран от неожиданности поперхнулся: у Греты имелось множество достоинств, от непоколебимой верности нанимателю до умения сварить похлёбку из старых сапог, но назвать её хорошенькой, наверное, только дракон и мог. — Нет, ты знаешь, я всегда считал, что оруженосец — это только оруженосец, не более того. Я бы хотел, чтобы она осталась, — прибавил он, — но не уверен, что она согласится.

— Предложи для начала контракт на год, — пожал плечами супруг. — Наёмники обычно любят такие. А откажется... — он опять повёл плечом. — Значит, откажется, ничего не поделаешь. Для Ржавого неплохая пара была бы, — вдруг прибавил он.

— Вряд ли, — усомнился Бертран. — Вот уж эти двое точно поладить не сумеют.

===== Подарки к юбилею =====

Конец лета выдался холодным и дождливым, и осень началась рано: перелесок между башней и посёлком уже тронуло позолотой, и поверх начавших желтеть крон со стороны поселения наплывали дымки: жирный и чёрный, тяжело ползущий — от угля из кузницы, сизые кудрявые — от дров, которыми топились печи в домах, почти прозрачные — с коптитен. Коптили припасы на зиму даже в Волчьем Конце (все новосёлы хихикали над этим названием, но прилипло оно намертво), хотя уж у оборотней-то, казалось бы, свежее мясо не переводилось. Дара тем не менее исправно коптила окорока-грудинки добытых волчьим молодняком оленей и кабанов: совершенно неожиданно для всех, и в первую очередь, кажется, для самих оборотней, она ушла к ним, едва они построились. Когда они понемногу расселились, вожак настойчиво зазывал её к себе, но она осталась в общем доме, где жила холостая молодёжь. Бывшие краснолесские кто плевался, кто многозначительно хмыкал, но в присутствии волчат про беглую обозную девку надо было или говорить только хорошее, или вообще помалкивать. «Как про покойницу!» — фыркала она, но воинственный дух её заступников ей явно льстил.

А тётушку Фриду долго обхаживал гном-кузнец, макушкой достававший ей аккурат до могучей груди. Она всё не решалась ответить согласием, боясь насмешек со стороны как своих, так и его соплеменников, пока гном не обратился за помощью к самому господину барону. Тот в один прекрасный день привёз из Долгого Мыса жрицу Матери Всех Живущих и просто приказал Фриде обвенчаться с кузнецом. Против воли его милости та, разумеется, пойти не посмела (ну да, ну да, — с ухмылочками покивали головами не только краснолесские, но и гномы с оборотнями, — не посмела, само собой), и страшно гордый

Балгуб ввёл своё шумное и скорое на руку сокровище в свой дом, понятное дело, каменный — вдоль реки только такие и стояли, потому что бурное течение уже всю крутило водяные колёса загадочных гномьих механизмов. Жрица, кстати, обвенчала ещё несколько пар, нарекла имена нескольким детям, в том числе уже двухлетним, огляделась немного и заявила господину барону, что она, пожалуй, тут и останется. Часовенку только поставьте хотя бы деревянную... и домишко при ней... а ещё она ненадолго сходит в город и вернётся с двумя-тремя послушницами — ученицами и будущими преемницами.

И она действительно вернулась — и привела с собой небольшую толпу бесприданниц и вдовушек с детьми, которых набежавшие не пойми откуда мужики всех рас и их мыслимых и немыслимых сочетаний расхватили, не глядя ни на красу, ни на наличие/отсутствие детей (орки вдов с детьми и обхаживали первым делом: чем больше у охотника детей, тем более он... хм... мужчина). Бертран думал, что кто-то из длиннозубых или их полукровок посватается к Грете, но то ли к оруженосцу его милости свататься никто не рисковал, то ли она сразу отшивала женихов, однако до сих пор у неё и любовников постоянных не было. А может, и вообще не было, никаких: Бертран в первый же месяц её службы убедился, что она кое в чём очень похожа на Мику, который вроде бы и болтает без умолку, а начнёшь вспоминать его болтовню — и поймёшь, что ничего существенного ни про себя, ни про других он так и не сказал.

Он навалился грудью на прощально нагретый проглянувшим наконец солнцем парпет, оперся подбородком на руки, разглядывая с высоты смотровой площадки ближние окрестности. Пять лет. Целых пять лет — или всего пять лет? Вроде бы немного, но за это время стихийно возникший посёлок разросся на глазах, маня недовольных, как ночной костёр — комаров. Кто только не просился под руку его милости, от орков до полуэльфов... Он посмотрел на каменный дом напротив ворот: осенний воздух был кварцево-прозрачен, и с крыши Драконьей Башни было видно, как во дворе дома Ржавый играет с годовалым сыном, подкидывая его вверх — счастливый визг мальчишки долетал даже до площадки на крыше. Ржавого, самого завидного жениха для долгомысских бесприданниц, ныне почтенного женатого мужчину, отъезвшего, раздобревшего, уже шутя величали Бургомистром: он не только занимался повседневными делами стремительно растущего поселения, но и вёл дела с зачистившими сюда купцами. Даже Бертран частенько советовался с ним, принимая решения по неизбежным ссорам и спорам: тот неплохо, оказывается, знал гномов, а с вожаком оборотней и вовсе умудрился стать, может, и не близким другом, но приятелем точно. Единственными, с кем он ладил плохо, были остроухие охотники разной степени чистокровности... вернее, нечистокровности, но на эльфов и их половинок-четвертушек нужен был сам господин барон, не меньше, а ещё лучше — владыка Драконьей Башни: прочие были недостойны им даже портянки стирать. Правда, как разведчики они не уступали даже оборотням, а разведка маленькому вольному посёлку совсем не мешала, поскольку осенью традиционно поближе к жилью и собранному урожаю подтягивались разбойники. А ещё смутно беспокоила Бертрана новость о том, что князь Долгого Мыса послал небольшое войско в Белые Увалы, вроде бы в помощь тамошнему правителю. Как это касалось Драконьей Башни — Матерь его ведаёт, но рыцарская конница при поддержке весьма приличного отряда арбалетчиков была бы слишком серьёзной угрозой для его символического войска, и он приказал оборотням глаз с долгомысских вояк не спускать, пока волки не убедятся, что те идут именно на Белые Увалы.

— Тебе нужен признанный бастард, Берт. Я тоже его признаю, и лучше даже не одного.

— Сентуивир подошёл почти бесшумно, только крылья бархатной мантии предательски хлопнули на вечном ветру высоты. — А бастард, признанный обоими супругами — это, сам знаешь, такой же законный наследник, как рождённый в браке.

— Мало тебе меня, хочешь потом возиться с моими детьми и внуками? — Бертран повернулся к нему, обнял, притягивая к себе, тот охотно поддался, скользнул между супругом и парашютом, прижался спиной и откинул голову назад, на плечо Бертрану.

— Неплохой способ чем-то занять ближайшую сотню лет, — хмыкнул Сентуивир.

Они постояли молча: Бертран, слушая радостные детские визги, всерьёз задумался над словами дракона, тот просто стоял, прикрыв глаза, не думая ни о чём конкретно и меньше всего о том, как легко мог бы рыцарь сломать ему шею, перебить прислугу и захватить башню и окрестности в полное единоличное владение. Ветер трепал волосы и мантию, но солнце грело, а ещё сильнее грело тело его супруга, с которым, как оказалось, вовсе незачем было быть сильным, мудрым, многоопытным, а можно было просто расслабиться в его надёжных руках на ближайшую сотню лет. «Очевидно, — лениво размышлял Сентуивир, — люди, гномы, орки и прочие для того и вступают в брак, чтобы иметь хотя бы иллюзию того, что они не одиноки и не будут одиноки в ближайшее время — немаленькое, по их понятиям».

— Скоро день Равноденствия, — проговорил он, растекаясь по Бертрану и зная, что тот удержит, даже если придётся вообще подхватывать супруга на руки. — Пять лет нашему браку. Что тебе подарить? У вас это, кажется, зовётся Деревянной свадьбой? Новую кровать? Попрочнее и повместительнее?

— Змей ты ядовитый, — вздохнул Бертран, процитировав излюбленное ругательство Фриды, — а никакой не дракон. Ты, кстати, знаешь, что если я не буду окучивать всех сколько-нибудь привлекательных особ женского пола, я страшно разочарую всё поселение? Что это за барон, который бабами не интересуется? Не иначе, злой колдун все соки из меня высасывает и варит из них своё зелье вечной молодости.

— Из всех твоих соков меня интересует только один, — усмехнулся Сентуивир. — И вовсе не для зелья.

— А из соков Аира?

— Ревнуешь всё-таки?

— Немного, — нехотя признал Бертран. — Не как твоего любовника, не думай. У вас с ним слишком много общих интересов.

На самом деле, и как любовника тоже, если уж быть до конца честным: парень вытянулся, раздался в плечах, отпустил до этих плеч роскошные вороные кудри, а главное — чистота горного знания в его глазах весьма опасно смешалась с уверенностью в себе: рубка леса, строительство, охота и стычки с разбойниками давали ему сколько угодно возможностей совершенствовать свои навыки и умения, а ещё были обыкновенные простуды и расстройства желудка, беременности и роды, вывихи, ожоги... на молодого, но поневоле опытного целителя народ молиться был готов, и он принимал всеобщее уважение со спокойным достоинством знающего себе цену человека. На такого уже не получалось смотреть со снисходительным одобрением: «Приятный мальчик — хороший выбор, Вир». Особенно, когда приятный мальчик ожесточённо спорил о чём-то с драконом, и тот изредка бывал вынужден признать, что прав человек, а не он, многомудрый.

— Ну, у тебя же нет теперь возможности просиживать по полдня в библиотеке.

— Нет, — с сожалением признал Бертран. — Даже зимой, когда вроде бы особо

заняться нечем, эти негодяи умудряются доставлять одну проблему за другой.

— Плюнь на них и свали всё на Ржавого, он будет просто счастлив, что ему дали покомандовать властью.

— Счастлив — недели две. А потом взвояет и прибежит ко мне, чтобы я избавил его от эдакого счастья.

Они опять надолго замолчали, но ничего неловкого или тягостного не было в их молчании. И оба были очень недовольны, когда по каменным плитам смотровой площадки затопотали тяжёлые сапоги Греты.

— С заставы ханец прибежал, твоя милость, — выпалила она, снова переходя на своё аканье-хэканье, от которого понемногу отучилась за пять лет. — Ян-обаратень. На нас войско из Долхава Мыса идёт с младшим князевым сыном, ежели Мика не врёт...

===== Вот и всё, мой друг, вот и всё... =====

Грета сноровисто помогла Бертрану надеть доспехи, тот коротко и деловито раздал приказания: из посёлка всех гнать в башню, скотину выпустить, но с собой отнюдь не тащить, и вообще, брать самое ценное, а лучше — только тёплые вещи и еду, на заставу же послать кого-нибудь из волчат с категорическим приказом в бой не вступать ни под каким видом, а немедленно уходить в лес и прятаться там, поскольку добраться до башни раньше долгомысских они вряд ли успеют.

Сентуивира новость о постояльцах в его башне совсем не обрадовала, но он только покривился и приказал своим змейкам мужчин с оружием сразу гнать на стену, а прочих — в подземелья: и для них безопаснее, и не будут шляться по дворам, пристройкам и, Праматерь храни, по самой башне, где им вообще нечего делать. Матери он раз за разом, злясь на свою беспомощность, посылал Зов, но она не откликалась — видимо, всё-таки залегла в спячку, как давно грозилась. Он знал, что рано или поздно она отзовется, разумеется, вот только когда случится это «поздно»? Ни рыцарям, ни арбалетчикам башню было не взять, да и не для штурма они шли сюда. Наверняка князю не нравился новый сосед, слишком быстро набирающий силы и известность, и он решил раздавить опасность в зародыше. Ведь если дома сжечь, скотину либо угнать, либо перерезать, башню же осадить наглухо, то в течение месяца толпа, согнанная под её защиту, просто перемерёт от голода и болезней, вызванных скученностью. «А ещё раньше, — мрачно подумал Сентуивир, — взбунтуется и попытается ограбить своего защитника: либо в поисках припрятанного продовольствия, либо в идиотской надежде откупиться колдовским золотом от захватчиков». Дракон тихо выругался, но ни слова Бертрану, спешно садящемуся в седло, так и не сказал. Не стал лезть под руку в такой момент. Ладно, матушка в конце концов отзовется всё-таки, а когда сюда явится старая драконица, очень недовольная тем, что ей не дали поспать, князь Долгого Мыса может и не досчитаться кое-кого из сыновей.

Бертран в сопровождении Греты (Ржавому он приказал оставаться в башне и командовать там в его отсутствие) поскакал к посёлку. Против ожидания, особой суеты там не наблюдалось — всё-таки селиться на новом, почти диком месте приходил народ, готовый к трудностям и опасностям такой жизни. Даже горожанки, которых привела жрица, не теряли время на причитания. Носами они хлюпали, конечно, и слёзы утирали, но при этом поспешно собирали одеяла, плащи и шерстяные платки, сало, ветчину, уже выпеченный хлеб, нагружали добром мужей и детей постарше, мелких хватили на руки и, разгоняя тупо

бродящих тут и там овец (счастливые козы уже всю шастали по огородам), торопились к обиталищу страшного, но всё-таки своего колдуна, мужа его милости. Только на площади у бывшего общего дома несколько женщин накинудись на Бертрана с паническими воплями, но он, рывкнув хорошенько и приказав говорить одной, а не хором, кое-как разобрал, что несколько девочек ушли за грибами, а с ними, как обычно, пара мальчишек-оборотней: и защитить, и ядовитые грибы сразу унюхать, и на помощь позвать в случае чего. Бертран отправил по следам юных добытчиц очередного оборотня (что бы они делали без волков?), матерям безапелляционным тоном приказал отправляться в башню, а сам, полный дурных предчувствий, двинулся дальше по посёлку, в который раз отметив, что строились его разнообразные вассалы как придётся, селясь поближе к своим соплеменникам, и поэтому улиц как таковых в поселении практически не было, а были отдельные группки строений. «Если всё это сожгут, — мрачно подумал он, — прикажу заново строиться не где попало, а по моему плану».

Они двигались по стремительно пустеющему поселению в сторону развилки у Нижнего моста, от которого одна дорога шла к посёлку, другая — к башне. Мост был рассчитан на купеческие фуры, и тяжёлую конницу, к сожалению, выдержать должен был легко. Бертран запоздало подумал, что надо было в обмен на разрешение строиться стрясти с гномов бочонок-другой той жутковатой дряни, которой они пробивают тоннели в скалах — пытаться жечь толстые брусья настила после почти месяца непрерывных дождей было бессмысленно.

До развилки они с Гретой (от самой конюшни не сказавшей ни слова, так что Бертран то и дело недоверчиво на неё поглядывал) не добрались: к речке, вернее, к лёгкому мостику через неё, с визгами и воплями бежали, путаясь в подолах, девчонки. Оборотни, ухватив за руки младших, практически тащили их за собой, старшим приходилось кое-как поспевать за ними, но из леса за ними гнались взрослые здоровые мужики, и кто первым доберётся до моста, гадать не приходилось. Грета, завидев их, переменилась в лице, словно призраков увидела — страшных призраков из своего детства, и Бертран послал коня в галоп, вытягивая меч из ножен. Для рыцарских коней под всадниками в тяжёлой броне мост, конечно, был хлипковат, он просто ходуном заходил, когда Бертран с Гретой по очереди вихрем пронеслись по нему, но выдержал, словно его тролль (усердно задабриваемый подношениями) решил помочь барону и его вассалам. Долгомысские пешие стрелки, завидев рыцаря с оруженосцем, бросились было кто врассыпную, кто обратно к лесу, но в Грете вскипела бешеная орочья кровь. Её даже несколько болтов в упор от самых опытных и хладнокровных не сумели не то что остановить — хотя бы заставить совершать манёвры уклонения, и из десятка, заходившего на посёлок лесной тропой, не уцелел никто. «Да уж, Лягушачий Рот», — с лёгким содроганием подумал Бертран, глядя на жуткий оскал смешливой болтушки Греты, слизывающей чужую кровь с аспидного лезвия меча, который ей торжественно вручил... всучил Сентуивир: «Мой супруг мне нужен живым, девка, так что бери, пока даю». Понятно, что наёмница и прежде убивала не раз и не два, Бертран и на разбойников с нею ходил и видел, какова она в бою, но тут она повернулась к нему незнакомой, пугающей стороной, и он подумал, а чего ещё он не знает о женщине, прикрывающей ему спину?

Оборотни перевели девчонок через мост и теперь гнали, иначе не скажешь, к дороге на башню, наискосок через перелесок — у тех, задыхающихся от бега, даже реветь от страха не получалось. Бертран, свесившись с седла, цапнул за ворот самую мелкую, втаскивая к себе,

Грета умудрилась подхватить аж двоих (всё-таки она и статью уступала отнюдь не хлипкому мужчине, и сменять кольчугу на настоящую броню отказалась наотрез, разве что без особой охоты приняла — в счёт жалования! — новую, куда надёжнее, хоть и тяжелее при этом). Движение чуть ускорилося, но когда они выбрались на дорогу, ведущую к башне, Бертран увидел с крутого подъёма, как внизу вражеская конница переезжает мост — осторожно, неторопливо, но неостановимо, как прилив. Он посмотрел на Грету, она опустила глаза и полезла из седла.

— Извиняй, твая милость, — глухо сказала она, зашвыривая на спину своему рыжему мерину ещё двоих, — да только, кажись, кончился мой кантракт. — Смотреть на своего нанимателя она избегала, зато рывкнула на двух подростков: — Чего отцепились? А ну, взялись за стремя и к башне, живо! Те в броне, вас не догонят. — Она всё-таки подняла на Бертрана тоскливые глаза и сказала: — Я-то сваё пажила уже, а дурищ этих жалко. Пускай хоть они паживут.

Он кивнул, спешил сам, так же подсадил ещё двоих в своё седло: девчушки от семи до одиннадцати лет втроем весили меньше, чем он один, считая доспехи и оружие.

— Перекидывайтесь, — приказал он оборотням. — Доберётесь до ворот, передайте мой приказ поднять мост.

— А вы, вашмилсть? — испуганно спросил один из подростков.

— Без вас мы отобьёмся, — уверенно соврал он. — А потом сбросите нам лестницу.

Мальчишка закивал, свято уверенный в способности господина барона отбиться пешим от двух десятков конных противников. Старший оборотень задержал на своём сеньоре понимающий взгляд, но смолчал: барон — хозяин своим людям и нелюдям, но именно поэтому он обязан их защищать, даже ценой своей жизни. Очень многие знатные господа начали забывать, за что им платят подати и кланяются с двадцати шагов, но Бертран из Зелёного Дола — тот помнил.

Они с Гретой проводили глазами быстро удаляющихся беглецов, потом одинаково перевели взгляды назад, вниз: ошестинившись копьями, на крутой склон не торопясь вползала стальная гусеница.

— Надо б нам залезть на прихорок какой, — деловито проговорила наёмница. — А то стопчут попросту, даже прихватить с собой ни которого не успеем.

— А вон на повороте хороший холмик, даже с разбегу на лошади не подняться, — Бертран кивнул на поросший всё ещё густой и ярко-зелёной, сочной и очень скользкой травой холм, небольшой, но с крутыми склонами. — Встанем там и прихватим с собой кого успеем.

— Аха, — с готовностью согласилась Грета. — Кабы тока арбалетчиков княжич не подохнал да не сделал из нас ихольницы.

— Ну, я на его месте так бы и сделал, — признал Бертран. — Будем надеяться, у него найдутся идиоты, желающие похвастаться, что лично убили самозванца.

Они вскарабкались на холмик, встали рядом, опираясь на длинные, заострённые книзу щиты, и Грета сказала вдруг:

— А помнишь, твая милость, как мы встретились, а? Ты там, во дворе, стоял красивый такой — и хлаза как небо, — при её орочьих маленьких жёлтых глазках, даже голубовато-серые, словно небо облачным днём, наверное, казались красивыми, — и сам ровно принц из сказки какой. — Её южные «А» в речи то проскакивали, то терялись, из чего Бертран заключил, что она, в общем, почти спокойна. — Я как хлянула, так и влюбилась без памяти,

ровно девчонка сопливая.

Она рывком засадила щит острым концом в неподатливую каменистую землю и, схватив Бертрана за плечи, жадно впиалась в его губы, почти прикусив нижнюю. Слегка растерявшись от такого напора, он всё же ответил на поцелуй. Однако целоваться, шаря латными перчатками по пластинам брони — сомнительное удовольствие, и Грета первая отступила на шаг, не сводя с Бертрана шальных глаз.

— Ну и ладно, — сказала она. — Теперь и сдохнуть можно.

===== Когда сказка не кончается свадьбой =====

Стоя на площадке приземистой надвратной башни, Сентуивир смотрел на холм, где стояли двое самоубийц — его супруг и влюблённая в него орочья полукровка: Бертран, кажется, был единственным, кто умудрился за пять лет не заметить и не понять этого. По дороге к ним неспешно приближались рыцари, во главе которых ехал тип в позолоченной броне и в алом плаще, очевидно, тот самый младший сын князя. Остановившись у холма, он пафосным жестом простёр руку к Бертрону, но обратился с какой-то речью вовсе не к нему, а к своей свите. «Сдавайся, дурак, — мысленно взмолился Сентуивир. — Сдайся, и я тебя выкуплю, даже если придётся отдать твой вес в золоте — считая оружие, доспехи и оруженосца».

Но, похоже, предложения сдаться его супругу не поступило. Во всяком случае, на него княжеский сын даже не глянул, заставив Сентуивира глухо зарычать от бессильной ненависти. Стоящий рядом Ржавый как-то странно глянул на него, но дракону было не до странных взглядов рыжего дезертира: он неотрывно смотрел, как всадники раздались в стороны, пропуская вперёд арбалетчиков. Беззвучный Зов, кажется, хлестнул по ушам даже тех, кто просто не мог, не в состоянии был его слышать — столько в нём было отчаяния: народ на стенах беспокойно завертел головами, не понимая, что это было. Ответ пришёл спустя некоторое время, когда Сентуивир перестал уже его ждать — мать услышала.

Вот только после трёхлетнего сна ей нужно будет сначала поохотиться, чтобы на полёт хватило сил. И потребуются почти сутки, чтобы с отрогов Злого добраться до Драконьей Башни. За оскорбление, нанесённое её сыну жалкими двуногими тварями, Морана отомстит, конечно, страшно, но Бертран к этому времени будет мёртв. Сентуивир впиался ногтями в камень парапета, ломая их, однако не чувствуя боли. Его супруг умрёт... ЕГО супруг, его законная собственность, его любовник — тот, кого он у алтаря Праматери Сущего клялся беречь, хранить верность и заботиться. Хранить настоящую верность, мыслями и душой, а не вымученное целомудрие, и по-настоящему заботиться, без мелочной навязчивой опеки, без попыток посадить на золотую цепь... Умрёт — и не будет больше ни вечерних бесед о делах у пылающего камина, ни лёгкой болтовни ни о чём в постели, ни крепкого плеча под головой, ни надёжных рук, сцепленных на животе...

Стрелки' единым движением вскинули арбалеты, стальной шквал хлестнул по вскинутым щитам, заставив пару на холме пошатнуться, но единственный недостаток гномьих изделий — немаленький вес: и щиты, и броня выдержали. Во что превратились тела под доспехами — об этом даже помыслить было страшно, разумеется, но открытых ран, видимо, не было, судя по обескураженному переглядыванию стрелков. По стене пополз глухой ропот, кто-то выкрикнул, что надо выйти и отбить у сволочей его милость — сил нет глядеть, как его убивают, пока они тут отсиживаются за стеной.

— Заткни крикунов, — не глядя на Ржавого, бросил ему Сентуивир. Тот ошутимо скрипнул зубами, но заорал, чтобы стояли где стоят и стрелы не тратили, пока вражьи морды не подойдут ближе. На дым, поползший со стороны посёлка, никто, кажется, даже не обернулся.

Арбалеты были перезаряжены, и новый ливень болтов заставил наёмницу упасть на колени. Бертран с заметным усилием помог ей подняться и, сколько сумел, прикрыл плечом. Она что-то сказала ему, неслышное отсюда, и он кивнул. Попросила добить, — догадался Сентуивир, — чтобы не взяли живой. Разумно... Бешенство поднималось в нём душевой волной, от него темнело в глазах и крошились стиснутые зубы. Злость на колдуна, который обрёк его на существование в этом жалком теле, неспособном защитить даже себя, не то что того, кто так легко впустил в свою душу и жизнь и кто незаметно стал так необходим. «Подожди у меня, мерзавец, — с жгучей ненавистью подумал дракон, — я найду тебя в новом воплощении, каким бы оно ни было, и отправлю на новый круг перерождения по частям! Очень, очень медленно и по очень маленьким частям отправлю. Если бы не твоё проклятие, трусливая тварь, я бы сейчас летел к Берту...»

Арбалетчики выстрелили снова, так же слитно, и на этот раз выстрелы чуть не сбросили Бертрана с холма — он с трудом удержал равновесие. Вернее, упавшая ему в ноги Грета вцепилась в него, не давая скатиться вниз, но сама уже подняться не смогла, даже с его помощью. Вот и всё, — мелькнула обречённая мысль. — Вот и всё... Впереди серой стеной вставали бесконечные годы, в которых никогда больше не будет ни тепла, ни доверия, ни света, потому что не будет больше того, кто заслуживал доверия проклятого дракона. Кто ни разу за пять лет не взял ни медяка из сокровищницы, которой никакое строительство не могло нанести серьёзный ущерб. Кому даже мысль такая в голову не приходила — что его супруг безмерно, по человеческим меркам, богат. Кто навязанного супруга ценил и оберегал, что-то такое рассмотрев в тёмной драконьей душе, заслуживающее симпатии и заботы... Сентуивир подался вперёд и зарычал от душившей его злобы. Если бы он только мог сбросить проклятие!

Лучники-полуэльфы шарахнулись от него, Ржавый тоже попятился, сделав знак, отгоняющий злую силу, и Сентуивир не сразу понял, почему рыжий верзила, не сводя с него расширенных глаз, всё сильнее запрокидывает голову. Площадка становилась катастрофически тесна, и чтобы удержать равновесие, ему пришлось взмахнуть крыльями, сбивая с ног пятящихся от него защитников башни. Страшные когти оставили глубокие борозды в каменной кладке, и у Сентуивира, понявшего наконец, в чём дело, вырвался торжествующий рёв. Он ринулся со стены, и воздух послушно взвихрился под крыльями, рвавшими ветер. Дракон помчался к холму у дороги, он ничего не забыл, ничему не разучился — крылья несли его вперёд, хвост чутко направлял движения, жидкое пламя ласкалось в глотке, просилось наружу... Да! О да, он будет жечь, рвать когтями, поднимать в воздух и швырять о скалы... Ещё как будет! Он напомним этому жалкому князьку, за что башню прозвали Драконьей!

Алый плащ сразу бросился в глаза, Сентуивир выхватил его владельца из ломающегося строя и с наслаждением разорвал пополам, не заметив стальной скорлупы. Запоздало мелькнула мысль, что живым сын князя был бы полезнее, но дракон отогнал её: у него и без заложника было что предложить Долгому Мысу. Остатки города, к примеру — после того, как они вдвоём с матушкой наведаются туда. Отогнав разбегающихся в панике людишек от холма на безопасное для супруга расстояние, он плюнул огнём, превращая беглецов в живые

факелы, взмыл вверх, удивился клюнувшим его болтам, посмотрел, что за герой там нашёлся, и пронёсся над самой землёй, расшвыривая пытавшихся защищаться ударами шипастого хвоста.

Он кружил, взлетал и снова пикировал, рвал, жёг, сбрасывал с обрыва, как и хотел, пока из его поля зрения не пропали последние пытавшиеся бежать или сопротивляться. Впрочем, нет — нескольких, пустившихся удирать сразу и уже перебежавших по мосту на ту сторону, он преследовать не стал: должен же кто-то рассказать, какой это был кошмар. Рассказчики, разумеется, приврут впятеро, а слушатели ещё приукрасят, и желающих сразиться с драконом Золотого Нагорья не будет ещё очень долгое время. Ну, кроме обычных самоубийц, желающих прославиться, но это всегда было даже забавно.

Он вернулся к холму, аккуратно сел, сложив крылья. Бертран неловко скатился к нему, пытаясь опереться на меч, как на костыль, осторожно приложил ладони к чешуе и восхищённо выдохнул:

— Какой же ты у меня красивый, супруг мой. Синий с золотом...

— Значит, для того, чтобы снять проклятие, тебе нужно было просто сильно пожелать этого? Сбросить его усилием воли? И при чём тут тогда отважный олух и доверчивый придурок, да ещё и королевской крови?

Перевязанный вдоль и поперёк, залитый зельями так, что в ушах булькало, Бертран полулежал в своей кровати, успокоенный заверениями Аира, что о Грете он тоже позаботится, и вообще его милости не о чем беспокоиться, потому что орков и их полукровок и так убить сложно, а уж... «Ты давал ей драконью кровь?» — перебил Бертран. Целитель кивнул, уточнив, что начал он с себя, а потом по приказу Сентуивира испробовал ту же схему на Ржавом: заметили, господин барон, что он посвежел, даже как будто помолодел? Разумеется, семейная жизнь всем идёт на пользу, никто и не удивился переменам в Бургомистре...

— Ну, королевскую кровь старуха наверняка приплела для красоты, — хмыкнул Сентуивир. — А чистый душой и храбрый сердцем... Берт, чтобы я ТАК захотел сбросить проклятие, мне нужно было увидеть, как тебя убивают. — Он отвернулся, искоса глянул на супруга и хмуро сказал: — Можешь считать это объяснением в любви.

===== Эпилог =====

— Вообще-то, её деда звали Грок.

— Грок? Тот самый Грок?

— Она тебе не говорила? — небрежно спросил Сентуивир.

Бертран покачал головой:

— Она говорила, будто её отец был самым младшим сыном вождя от четвёртой, что ли, жены. Он потому и подался в наёмники, что со всеми этими старшими братьями ему ничего не светило в клане. Вот ведь... Королевна-Лягушка, Маргарета Лягушачий Рот! Значит, это к ней, принцессе орочьей, соплеменники набежали, а не под мою руку?

— Ну, почему же? Под твою, конечно — раз уж тебе служит внучка Грока, — хмыкнул дракон.

Они остались на крыше, проводив Морану, обещавшую заглянуть через недельку-другую и «помочь в переговорах». Дым над Долгим Мысом был виден даже отсюда, и помощь в

переговорах вряд ли была нужна, но Бертран не рискнул возражать. Да в конце концов, его тёща умела не только плевать огнём и сносить укрепления ударами хвоста. Она ещё очень многое знала о людях и не людях, их правителях и жреческой верхушке, и глупо было её знаниями не воспользоваться.

— Я бы на твоём месте подумал о детях — правнуках великого орочьего вождя.

— Ага, и внуках Тристана Второго, — буркнул Бертран.

— Разумеется, — кивнул Сентуивир. — Кстати, твоя королевская кровь даёт тебе законное право основать собственное государство — не желаешь? Вольное баронство, к примеру, если только ты не потребуешь у отца титул графа. Слетать с тобой для убедительности такой просьбы?

— Титул барона я получил за настоящие заслуги, — возразил Бертран. — Зачем мне такой... выданный драконьими зубами? — Он помолчал немного, потом неуверенно коснулся щеки супруга кончиками пальцев. — Вир... я ведь, собственно, тебе теперь и не нужен. Зачем тебе это вольное баронство под боком?

Дракон... то есть, в данный момент не совсем дракон склонил голову набок, не сводя с супруга своих невозможных глаз, ставших, кажется, ещё ярче. Он вообще после того обращения стал выглядеть... старше, что ли. «Подстраиваюсь под себя настоящего», — не очень понятно пояснил он. Драконом он, кстати, был не голубым, как было сказано в списке, а васильково-синим по хребту и бокам, лазурным было только брюхо, но Сентуивир не светлел постепенно сверху вниз, а оба цвета прихотливо вливались друг в друга, не перемешиваясь, словно в вышивке гладью, и по этому великолепию шли золотые узоры. Юная послушница Матери Всех Живущих чуть не на коленях упростила его позировать ей для эскизов штандарта: что это за крепость без штандарта владыки? А за зиму девушки как раз его вышьют...

— Берт, — сказал Сентуивир, — ты идиот? Я сумел снять с себя это проклятие только потому, что не мог тебя потерять, а ты спрашиваешь, зачем мне ты и твои дети?

Он отступил на несколько шагов и плавно перетёк в свою истинную форму.

— Давай-ка порепетируем твоё триумфальное появление на разрушенных укреплениях Долгого Мыса, — сказал он, протягивая страшную лапу. — Наденешь самые роскошные доспехи, какие у меня найдутся, позолоченные с сапфирами, а к ним синий плащ на рыжих лисах, и прилетишь верхом на драконе. Аира с собой можно взять, в качестве придворного мага... Ну, чего встал, полезай на спину!

Бертран, чуть помешкав, встал сперва на протянутую лапу, с неё перебрался на спину, крепко вцепился в начинающийся от шеи гребень, растущий сначала отдельными рогами и лишь дальше сливающийся в подобие плавника. Сентуивир оттолкнулся от каменных плит, легко перемахнув через ограждение, и неторопливо, плавно полетел над плато. У Бертрана дух захватило от восторга, он даже ледяного ветра почти не ощущал. Внизу сновали фигурки поселенцев, разбирающих горелые дома, бродили среди деревьев и пригорков дети и подростки, пытающиеся отыскать разбежавшуюся скотину, Аир (Бертран узнал его по длинным чёрным кудрям — люди стриглись гораздо короче, а эльфы не были такими яркими брюнетами) что-то говорил молоденькой послушнице, вертя в руках какую-то ветку. Заметив крылатую тень, он запрокинул голову, выражения лица было, конечно, не разглядеть, но Бертран был уверен, что на нём написан жадный интерес с восхищением пополам. Ревность опять легонько тронула душу, но её тут же смыли новые ощущения — Сентуивир начал круто набирать высоту, поднимаясь по спирали к облакам.

Когда он сел на крышу, Бертран сполз кое-как с его спины и, с трудом шевеля замёрзшими губами, проговорил:

— Да, репетировать надо ещё много раз, а то хорош я буду с такой шальной физиономией! Предполагается же, что я на драконах летаю чаще, чем езжу верхом?

Дракон рассмеялся.

— Сказал бы прямо, что тебе просто понравилось и ты хочешь покататься ещё.

— Понравилось, — признал Бертран. — И хочу, да. Ещё и ещё.

Сентуивир засмеялся снова этому мальчишескому признанию, но у него вдруг мелькнула мысль, что если драконы могут принимать облик людей, орков и прочих эльфов, значит, возможен и обратный процесс? Пусть ненадолго, пусть изредка, пусть в жёсткой зависимости от фаз луны, как у покусанных оборотнями, а не рождённых ими, но должен же быть способ обернуться драконом.

«И если он существует, — подумал Сентуивир, — я найду его».

===== Чем лечат меланхолию =====

Комментарий к Чем лечат меланхолию

Ну, я добралась и до Проклятия, решив драбблы по нему тоже добавить в основной текст. “Чем лечат меланхолию” было написано вместо того, чтобы подробно излагать, как поселенцы лес рубили, брёвна-камни возили, посёлок строили, женились-плодились. Время действия - любое после прибытия оборотней, но до нападения долгомысского войска.

Сентуивир одетым валялся на кровати и плевал в потолок. В самом прямом смысле этого слова. Спальня его располагалась рядом с библиотекой, библиотечный великолепный купол начинался как раз над кроватью дракона, и потолок над нею был совсем невысок — плевки легко долетали и до нервюры, и до собственно купола. А иногда из ноздрей Сентуивира выпархивал лёгкий дымок, и тогда на потолке оставалось небольшое закопчённое пятно. Выглядело это одновременно и забавно, и жутковато: плюющийся огнём мрачный тип в мятой дорогой мантии.

Бертран ошарашенно пялился на это действие, пока супруг сам не заметил его. Радости особой он не проявил, но и не покривился — уже спасибо.

— Вернулся, — констатировал он.

— Вернулся, — согласился Бертран. — Перебили всю шайку, а трупы развесили по ёлкам вдоль дороги, чтобы другим неповадно... Да это ерунда! Вир, вот это что сейчас было?

Он в несколько шагов пересёк спальню супруга и сел на край его кровати, с надеждой глядя на дракона. У того хватило совести под этим взглядом смутиться.

— Ничего, — буркнул он, отводя глаза.

— Но у тебя же получается выдыхать дым и пламя немножко?!

— Получается, — сумрачно согласился Сентуивир. — Уже два века.

— Да? — Бертран расстроился. — А я думал...

— Что проклятие понемногу спадает? Я тоже так думал... недолго.

Барон, чуть помешкав, обнял супруга и притянул к себе. Тот не сопротивлялся, но и энтузиазма не проявлял.

— Мы что-нибудь придумаем, Вир, честное слово, — сказал Бертран. Сентуивир тряпкой свисал с его плеча, и его супругу вдруг пришла в голову мысль, что дракон даже не

напрягся, когда его сгребли в охапку и притиснули к груди. То есть, он настолько не ждёт ничего плохого от человека, который гораздо сильнее его и гораздо лучше умеет убивать (в этом теле, разумеется, но ведь другого у Вира пока и нет), что как-то это даже не похоже на подозрительного и недоверчивого (и потому до сих пор живого) супруга. Или Сентуивир настолько поглощён своей меланхолией, что не боится смерти? Бертрану всё-таки хотелось думать, что верно первое, а не второе. — Не верю я в неснимаемые проклятия, — решительно заявил барон. — Ничего нет непоправимого, кроме смерти, но ты-то жив.

Он потёрся щекой о щеку супруга, и тот злобно зашипел:

— Эй, полегче, дикобраз! Кожу сдерёшь, я ведь без чешуи...

— Прости, не подумал. — Бертран в смущении провёл ладонью по лицу. — В самом деле, ввалился к тебе грязный, потный и небритый... Не сердись, ладно? Я соскучился.

— Ну да! — фыркнул дракон. — У тебя в отряде такие мальчики-оборотни, а ты скучал по старому ядовитому змею?

— Это ты у нас по мальчикам, — хмыкнув, ответил Бертран. Тереться щетиной, готовый уже вот-вот превратиться в полноценную бороду, об гладенького, словно эльф, супруга, он перестал, зато начал потихоньку поглаживать его в разных интересных местах. — А мне девочек хватает. А вот кого не хватало, так это именно ядовитого змея: все остальные в рот мне смотрят и заранее согласны на всё, что я скажу. Скучно.

— Скучно ему, — буркнул дракон. Он повозился, устраиваясь поудобнее в жёстких сильных руках. — Мне вот весело было тут одному...

— Одному с Аиром?

— Аир за этот десяток дней хорошо если два или три раза забегал, — возразил Сентуивир. — И то не ко мне, а в библиотеку — заклинания посмотреть. Боялся, что купцы чёрную лихорадку завезли, но обошлось, просто повальная простуда в посёлке. По словам Аира, похолодало слишком резко, никто и не понял, как лето кончилось.

— И ты ни разу не затащил его ни в постель, ни в ванну? С тобой всё в порядке?

— Проверь, — усмехнулся дракон.

— Разумеется, проверю, — кивнул Бертран. — Вот сейчас помоюсь, побреюсь, переоденусь и вернусь к тебе — проверять. До завтрашнего утра. А ты пока ещё разок попробуй поджечь потолок, вдруг получится?

Он неохотно разжал руки, выпуская супруга, тот так же неохотно улёгся обратно. Плевать в потолок Сентуивир однако не стал.

— А знаешь, Берт, — сказал он словно бы через силу. — Демоны с ним, с проклятием. Пока ты со мной, не так уж оно мне и мешает.

===== Подарки к Солнцевороту =====

— Вы что, нарочно к Солнцевороту подгадали? — недоверчиво спросил Сентуивир, осторожно взяв на руки новорожденного под ревнивым взглядом Греты.

Наёмница была измучена долгими родами (как-никак, далеко не юная девица уже), но уж ради своего долгожданного сына, да ещё не от абы кого — от барона Золотого Нагорья! — вскочила бы и со смертного одра, и на дракона бы бросилась с голыми руками, если б тот посмел причинить хоть какой-то вред её дитятку. Его это откровенно забавляло.

— Отличный подарок, — хмыкнул он. — Когда сможешь вставать, спустишься в подземелья и возьмёшь всё, что сможешь унести на себе за один раз, — прибавил Сентуивир

в припадке самому не до конца понятного великодушия. — А я завтра же признаю Тристана сыном своего супруга и своим законным наследником.

На широкоротом лице полуорчанки много всякого отразилось, включая реакцию на «что унесёшь за один раз» и сомнения в разумности признания смертного существа драконьим наследником. Сентуивира, впрочем, такая ерунда, как мысли какой-то там наёмницы, не интересовала совершенно. Комната Греты была невелика, о полном превращении речи, разумеется, не шло, но дракон не поленился трансформироваться частично (очень частично), чтобы облизать длинным раздвоенным языком сморщенное красное личико, заявляя свои права на новорожденного. При этом он пыхнул на младенца дымком, и тот, естественно, заорал. Сентуивир поморщился, вернул крикливый свёрток матери, наконец расслабленно выдохнувшей, и сам облегчённо вздохнул: он свой долг выполнил и больше брать на руки такое голосистое, беспокойное создание не собирался.

— А для тебя, Берт, — повернулся он к супругу, настолько издёргавшемуся, пока его фаворитка рожала, что даже радоваться по-настоящему сил у него уже не хватало, — у меня другой подарок. Пошли на крышу, только оденься потеплее.

Орочий обычай в ночь Солнцеворота жечь костры повыше, пожарче был с восторгом подхвачен людьми, а гномы чуть позже подтянулись со своим взрывчатым порошком — может, нечисть, таящаяся во тьме, и громкого бабаханья боится, не только огня? Старики ворчали, но кто их когда слушал? Костры пылали, взрывы гремели, а приказ его милости выкатить пару бочек вина в честь рождения сына вызвал такую бурю ликования, словно без этого пить было нечего. Впрочем, господина барона если и не любили без памяти, то крепко уважали, и рождению у него наследника обитатели Драконьей Башни радовались совершенно искренне. Даже полуэльфы на праздник пришли в честь такого события, хотя обычно они до всяких короткоухих с их убогими забавами не снисходили. Правда, возможно, остроухие опасались оскорбить дракона, игнорируя рождение первенца у его супруга.

Бертран, поднявшись на крышу башни, только головой покругил: пьяное пение и взрывы хохота долетали даже сюда. А уж костры, наверное, были видны от самого Долгого Мыса — погода стояла ясная, воздух был дивно чист и прозрачен, так что в безлунном небе каждую звёздочку можно было пересчитать. Ну, и холодно было так, как только и может быть в такую вот ясную зимнюю ночь, особенно высоко над землёй, где ветрено всегда. Бертран поплотнее запахнул меховой плащ и вопросительно посмотрел на супруга — вид с башни был чудесный, но вряд ли дракон позвал его наверх полюбоваться видами или даже прокатиться. Уж очень лицо у Сентуивира было загадочное, у Бертрана даже как-то под рёбрами неприятно похолодело в ожидании... ещё бы знать, чего.

— Я говорил тебе, что у моего отца был смертный возлюбленный?

— Крэг Хак? — супруг ему такого не говорил, но только один дракон прославился дружбой с орком. То есть, орки упорно считали их отношения дружбой, не желая признавать за великим вождём древности иных отношений с мужчиной, пусть даже и драконом.

— Он самый, — небрежно кивнув, подтвердил Сентуивир. — Мать говорила, что это, видимо, от отца у меня смешная сентиментальная привязанность к двуногим. А я спросил у неё, правда ли, будто Крэг Хак мог послать Зов своему любовнику, или это орки привирают для пущей важности? Оказывается, действительно мог.

— Ты летал к отцу? — обмирая от запоздалого страха, спросил Бертран. — Зачем, Вир? Это же опасно!

— Ну, не так уж и опасно, — снисходительно возразил дракон. — То есть, сначала он действительно напал на меня, но я только уклонялся от драки и настойчиво пытался втолковать ему, что хочу всего лишь побольше узнать о его возлюбленном, и совершенно не претендую ни на его пещеру, ни на сокровища в ней. — Прозвучало не вполне искренне: кажется, Сентуивир заодно выяснял, по зубам ли ему батюшка. Правда, пока неясно было, что он решил. — Устоять перед искушением повспоминать своего косоглазенького Телтевир не смог, и мы чуть ли не сутки очень мило проболтали о давно умершем Крэг Хаке и ещё, к счастью, вполне живом тебе.

— И...? — с любопытством спросил Бертран. — Он рассказал тебе, как научить смертного драконьему Зову? Это было бы просто замечательно.

— Рассказал, — опять кивнул Сентуивир. — Ночь Солнцеворота — отличное время для этого, а нынче ещё и новолуние.

Бертран снова посмотрел на чёрное в алмазной россыпи звёзд небо. Причём тут новолуние, он не понял, но спрашивать не стал — раз Вир говорит, что это кстати, стало быть, так оно и есть, очевидно.

— Не буду долго объяснять, — сказал Сентуивир. — Потом, если захочешь. В тепле и... и если у нас вообще что-то получится. Пока просто закрой глаза, я позову тебя, а ты... Поступай как знаешь. Главное — прислушайся к себе.

— Понятно, — пробормотал Бертран, хотя понятного-то как раз было мало.

Он послушно закрыл глаза, но попробуй тут прислушаться к себе! Какой-то явно нетрезвый гном как раз бабахнул не иначе как целый мешок своего порошка. Кто-то завопил от восторга, кто-то — с перепугу, женщины завизжали, оборотни взвыли: самое то, чтобы сосредоточиться. Бертран выругался, зажмурился поплотнее, попытался сконцентрироваться на своём дыхании, и когда ему уже показалось, что ничего у них не выйдет, его сознания словно бы коснулась лёгкая серебристая паутинка. Первым побуждением было смахнуть её, но Бертран подавил это движение в себе и, наоборот, потянулся за нею всем своим существом... сущностью...

Короткая дурнота накатила и схлынула, словно волна. Мир необъяснимо изменился, в нём словно добавилось всего — запахов, звуков, движений. Бертран осторожно открыл глаза и долго не мог понять, почему площадка на крыше смотрится так странно.

Ещё более странным было выражение лица Сентуивира.

— Ты не перестаёшь меня удивлять, Берт, — сказал тот совершенно непередаваемым тоном. — Кого ж это мне матушка выбрала в супруги, хотел бы я знать?

Бертран наконец догадался опустить взгляд на себя... на свои руки-ноги... мощные когтисто-чешуйчатые лапы... В свете зарева костров цвет угадывался с трудом, но почему-то он был уверен, что чешуя эта серо-стальная, как в его дивных снах.

— Вир, — обалдело выдохнул он, — что это? Как...?

— Солнцеворот, — сказал тот, пожимая плечами, прежде чем перетечь в свою истинную форму. — А ещё... — он чуть помедлил, — я позвал, и дракон в тебе ответил.*